

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

Саманта Хайес

ПОКА
ТЫ
МОЯ

Я не успокоюсь,
я не остановлюсь...

Последний роман Саманты Хайес — классический триллер со множеством обманок и неожиданными поворотами сюжета. Цепляет с первой страницы.

Harper's Bazaar

РОМАН, ПЕРЕВЕДЕННЫЙ НА **12** ЯЗЫКОВ МИРА

Саманта Хайес

Пока ты моя

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707172

Пока ты моя: роман / Пер. с англ. А.А. Бузиной.: Центрполиграф;

Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07596-3

Аннотация

У Клаудии есть все, что нужно для счастья: любящий муж – бравый морской офицер, двое прелестных пасынков, благородная социальная работа, красивый дом. А скоро появится и дочь, рождения которой Клаудия, не раз терявшая детей, ждет с особым трепетом. Вот только новая няня, Зои, кажется подозрительной: она явно шпионит за Клаудией и тяжело переживает свое бесплодие. Однажды на одежде няни обнаруживается кровь, а вокруг только и твердят о зверских нападениях на беременных...

Содержание

Пролог	5
1	10
2	22
3	40
4	51
5	66
6	78
7	83
8	96
9	107
10	117
11	126
12	142
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Саманта Хайес

Пока ты моя

Люси, светлому лучику

Со всей моей любовью

SAMANTHA HAYES
UNTIL YOU'RE MINE

a novel

© Samantha Hayes, 2013

Пролог

Я всегда хотела ребенка, даже когда была маленькой и понятия не имела, откуда берутся дети. Сколько себя помню, в глубине души жило это неудержимое ноющее желание – прямо-таки болезнь, пагубная страсть, ползущая сквозь мое тело, струящаяся по венам, вращающаяся по миллиардам нервов, окутывающая мой мозг туманной, навеянной гормонами жадой. Все, что я хотела, это быть матерью.

Маленькая новорожденная девочка. Разве я прошу так много?

Это кажется забавным, и вспоминать теперь мне неловко. Ребенком я все загадывала и загадывала это желание, зажмурившись, со стиснутыми зубами и сжатыми кулаками призывая все волшебство, какое только могла, готовя выдуманный магический порошок из пахнущего гвоздикой талька моей матери и тюбика серебристых блесток. Опрыскав этой смесью свою куклу-пупса, я затаила дыхание в ожидании момента, когда она оживет, – мои безболезненные девственные схватки длились целых три минуты.

Да, сейчас это заставляет меня смеяться. Вызывает неудержимое желание разбить что-нибудь вдребезги.

Я хорошо помню, как сверкающие блестки порошка медленно и безысходно падали на ковер, когда я осторожно ощупывала безжизненную пластмассовую куклу. Почему она не

задышала? Почему не ожила? Почему же магический порошок... или Бог... или мои необычайные силы – хоть что-нибудь – не превратили мою куколку в настоящую девочку? Она оставалась куском холодной пластмассы – все равно что мертвой. Как же я рыдала, когда она просто лежала в моих руках, неподвижная и твердая, запеленатая в трикотажное одеяло! А как же вся та любовь, что я дарила ей на протяжении многих лет, – за время самой длинной из известных ныне беременностей? Неужели это ничего не значило? Я хотела выдернуть эту девочку из заточения коробки для игрушек в реальную жизнь, мечтала быть ее мамочкой. Неужели она не желала быть моей? Неужели не хотела, чтобы ее любили, кормили, убаюкивали, чтобы с ней играли, чтобы на нее любовались, чтобы ее холили и лелеяли превыше всего? Неужели она не любила меня в ответ?

Я прибегала к помощи своего магического порошка, должно быть, раз сто. И каждая попытка оканчивалась неудачей, словно я проходила через своего рода процедуру ЭКО, бесполезную и дорогостоящую, – конечно же я не знала в те времена, что это такое. Когда мне было двенадцать, я оторвала пупсу голову и потихоньку, пока никто не видел, бросила ее вместе с туловищем в пылающие угли камина в гостиной. Кукла быстро рассеялась в золу. Последними расплавились ее глаза, каждый из которых, ошеломленно-голубой, до самого конца пристально смотрел на меня из своего угла.

Глупый расплавленный ребенок.

– Если кто-то и соберется подарить мне внуков, то это будешь ты, – всегда говорила мама, и ее правая щека подергивалась в беспокойном танце.

Я молилась, чтобы не подвести ее. Мама была не из тех людей, которые спокойно воспринимают разочарования. В ее жизни было слишком много обманутых надежд, чтобы больше не относиться к ним смиренно.

Сисси – так называла меня старшая сестра. Это прозвище приклеилось ко мне с тех пор, когда она еще не могла выговорить мое настоящее имя. Нас разделяли лишь восемнадцать месяцев, и, будучи единственными выжившими детьми нашей матери, мы в полной мере ощущали на себе последствия ее удушающей опеки. Не считая нашего рождения, она перенесла восемь выкидышей, три раза дети рождались мертвыми, а наш брат умер от менингита в двухлетнем возрасте. Я была самой младшей – последней счастливицей.

– Мы едва не потеряли и тебя, – то и дело напоминала мне мама таким непринужденным тоном, словно с потерей детей сталкивались все вокруг. Она сидела на старой скамейке, утопавшей в зарослях дикого красного винограда, грызла свои таблетки и курила одну сигарету за другой, глядя на огонь.

Рассказ о том, как я выжила, несмотря ни на что, был призван заставить меня чувствовать себя особенной, словно я стала чем-то вроде случайной удачи, победы на грани фо-

ла, разрушившей проклятие. Будто я и вовсе не должна была появиться на этой земле, и лишь благодаря счастливому случаю, колоссальной дозе магического порошка, очутилась здесь. Дышащей, живой.

Папа, напротив, был спокойным, непритязательным человеком, который тихо поглощал свою пищу, прислонившись к раковине, наблюдая за тремя главными женщинами своей жизни и подмигивая мне, когда окаянное чувство вины за мое существование выжимало слезы из моих на самом деле сухих глаз. Я чувствовала себя виноватой перед всеми моими умершими братьями и сестрами, словно грубо растолкала их локтями, заняв чужое место. Папа копался вилкой в своем картофельном пюре, сунув за ухо сигарету «на десерт», а вокруг его шеи вечно виднелись следы угольной пыли. Папа любил меня. Папа гладил меня по голове, когда мама не видела. Папа умирал столько, сколько я себя помню.

Грязные круги все еще виднелись вокруг папиной шеи, когда я заглянула в его гроб пятнадцатилетней онемевшей от ужаса девчонкой. Это чуть ли не вытатуированное «ожерелье», оставшееся от лет, проведенных под землей в шахте (которые спровоцировали рак легких и вдобавок эмфизему, как с гордостью сообщала всем и каждому моя мать), было единственным, что я в нем узнала. На поминках я нечаянно услышала, как мама говорила тетушке Диане о том, что папа, вероятно, отправился на небеса и снова станет ребенком. Мама увлекалась всей этой безумной потусторонней чепу-

хой, так что не успело еще тело папы остыть, как она уже отправилась к медиуму. Обычно тетушка Диана потакала маме в «менее нормальные времена», как она называла этот период, – просто чтобы маме было легче. Но теперь мне кажется, что тетя поступала так, стараясь облегчить нашу с сестрой участь, чтобы заставить нас поверить, что все в порядке, хотя на самом деле это было не так. «Ваша мать – чокнутая, в ее голове все перемешалось, как в клетке с вертявыми куницами», – сказала она нам однажды. После этого мне захотелось, чтобы тетушка Ди была нашей настоящей матерью.

Позже, в ванной, я щедро обсыпала весь живот остатками старой магической смеси на основе талька, представляя, будто это пепел моего бедного папы, и молясь, чтобы он каким-либо образом впитался в мои яйцеклетки, в мою матку, стал ребенком и уже не был бы мертвым. Все, чего мне хотелось, это о ком-то заботиться. Мне казалось, это было почти так же хорошо, как самой ощущать на себе чью-то заботу. Лучше, чем что бы то ни было, к тому же я прекрасно знала: мама была бы счастлива снова увидеть папу живым – даже если бы он появился на свет маленькой девочкой.

И я решила, что рождение ребенка будет миссией всей моей жизни.

1

– Кто-то ответил на наше объявление. – Я выглядываю из-за крышки моего ноутбука, сооротив полустрадальческую гримасу. В глубине души я надеялась, что никто не откликнется и мне как-нибудь удастся справиться самой. Жар от компьютера обдаёт мне ноги, но я и не думаю отодвигаться. Это важное дело заодно помогает отлично согреться в мороз.

– Тебе не стоит держать эту штуку так близко, ты же знаешь. – Джеймс легонько стучит по экрану, задерживаясь по пути к кухонному шкафу. Потом вытаскивает глубокую сковородку. – Радиация и все такое...

Я люблю его за кулинарные таланты и заботу.

– УЗИ подтверждает, что у нее все ручки и ножки на месте. Так что брось волноваться. – Я много раз показывала ему снимки ультразвукового исследования. Джеймс, похоже, не слишком внимательно изучил все мои картинки. – У нас вот-вот появится здоровая маленькая девочка.

Я неловко шевелюсь и кладу компьютер на старый провисший диван рядом с собой.

– Неужели тебе не интересно, кто ответил на объявление?

– Конечно интересно. Расскажи. – Джеймс плещет масло на сковородку. Он – неряшливый повар. Кольцо синего пламени вспыхивает мгновенно, стоит Джеймсу до предела вывернуть ручку газовой горелки. Сосредоточенно прикусив

нижнюю губу, он бросает кусочки курицы в кипящее масло. Дымок уходит вверх, исчезая в кухонной вытяжке.

– Это некто по имени Зои Харпер, – отвечаю я, пытаюсь перекрычать шипение. И еще раз пробегаю глазами электронное письмо. – Тут говорится, что у нее внушительный опыт работы и все необходимые навыки.

Я позвоню ей позже, чтобы составить полное впечатление. Я должна продемонстрировать рвение, хотя мысль о присутствии в доме незнакомого человека не слишком-то приятна. Я знаю, как Джеймс будет сходить с ума от беспокойства за меня, когда ему снова придется уехать. Он конечно же прав. Мне понадобится помощь.

Наша болтовня о няне внезапно прерывается шумом, возней и криками, доносящимися из гостиной. Я с трудом поднимаю себя с дивана, протестуя вскинув руки, чтобы остановить спасительный порыв Джеймса.

– Ничего страшного, я схожу.

С тех пор как Джеймс дома, он, похоже, считает, что я не способна вообще ни на что. Наверное, потому, что, когда он видел меня в прошлый раз, я не напоминала габаритами дом.

– Оскар, Ноа, что происходит?

Я останавливаюсь в дверном проеме гостиной. Мальчики поднимают на меня глаза. Вид у них жалкий, ведь их застали врасплох на начальной стадии войны. К уголку рта Оскара прилипло что-то твердое и желтое. Ноа размахивает игрушечным пистолетом своего брата.

Я разрешаю им играть в подобные игрушки, только когда Джеймс дома. Он не видит в этом никаких проблем. Все остальное время эти пистолеты заперты в шкафу. Помнится, игрушечное оружие было злободневной темой на том кошмарном званом обеде, состоявшемся несколько лет назад, вскоре после того, как я встретила Джеймса. Мне очень хотелось понравиться всем его друзьям, чтобы они не сравнивали меня с его первой женой и поверили в наличие у меня собственного набора материнских инстинктов, когда речь зашла о воспитании моих недавно обретенных сыновей.

– Как же ты справляешься в этом плане с близнецами, Клаудия? – спросила меня одна гостья, когда я заявила, что не люблю смотреть, как дети играют с мечами и пистолетами.

Видит бог, на работе я сталкиваюсь с достаточным количеством испорченных детей, чтобы знать, что они могут использовать свое время намного лучше.

– Наверное, трудно быть матерью... не будучи ею, – заключила она, а я с трудом удержалась от того, чтобы не влепить ей пощечину.

– Иди сюда, Ос, – говорю я и делаю невероятное для мачехи: слюнявлю носовой платок и вытираю мальчику рот. Ловко изогнувшись, он вырывается. Я внимательно слежу за пистолетом в руке Ноа. Попытка забрать у него игрушку наверняка обернется серьезной заварухой.

На том званом обеде я не слишком убедительно пыталась объяснить: я стала мачехой мальчиков-близнецов, потеряв-

ших свою родную маму из-за рака, и считала, что это в значительной степени дает мне право называть себя их матерью. Но к тому моменту никто, увы, по-настоящему не беспокоился об этом и не слушал меня. С развитием темы разговор пошел в совершенно ином русле. «Джеймс служит в военно-морском флоте, – услышала я свой слабый голос, – так что дети, разумеется, в восторге от войн... и это само по себе не табу в нашем доме, но...»

И тут я густо покраснела. В этот момент мне хотелось только одного: чтобы Джеймс отвез меня домой.

– Верни пистолет брату, Ноа. Зачем ты схватил его?

Ноа не отвечает. Он поднимает пластмассовое оружие, нацеливает его на мой живот и нажимает на спусковой крючок. Раздается еле слышный треск пластмассы, из дула вырываются искры.

– Бах! Ребенок умер, – констатирует Ноа со злобной ухмылкой.

– Они уснули. Вроде как, – говорит Джеймс.

На нем его любимый свитер, тот самый, который я втайне от Джеймса беру с собой в постель, когда его нет рядом. И еще у него бокал вина. Повезло же некоторым этим пятничным вечером! Мне-то достались чай с мятой и боль в пояснице. Не сомневаюсь, что сегодня мои лодыжки кажутся отекающими.

Он садится рядом со мной на диван.

– Так как она тебе показалась, эта новоявленная Мэри Поппинс? – Джеймс приобнимает меня за плечи и перебирает пальцами кончики волос.

Пока Джеймс укладывал мальчиков спать, исполняя пьяным голосом песню Aerosmith «У Джени есть пистолет», но вставляя туда вместо «Джени» имена «Оскар» и «Ноа», я позвонила Зои Харпер, женщине, ответившей на наше объявление.

– Она показалась... славной, – легкомысленно произношу я. Совсем не рассчитывала, что эта няня произведет хоть сколько-нибудь приятное впечатление. – Нет, правда, очень милой! Честно говоря, я ожидала, что она будет разговаривать, как злобная ведьма, и начнет что-то бессвязно мямлить, словно после попойки.

Дело в том, что я уже пыталась договориться с двумя нянями, и обе, так или иначе, оказались абсолютно не соответствующими заявленной квалификации. Кроме того, мальчикам они не понравились. Так что мы с грехом пополам справлялись сами, мечась между отзывчивыми друзьями, детским садом и, с недавних пор, школьными группами продленного дня. Джеймс с пеной у рта настаивает на том, чтобы, пока я на работе, за детьми присматривали в их собственном доме, а теперь, когда наш общий ребенок вот-вот появится на свет, муж хочет, чтобы этот вопрос был решен окончательно.

– Но она и правда так себя не вела, – говорю я, наблюдая, как его лицо загорается надеждой. – Не как ведьма, я имею

в виду.

Из-за того, что Джеймс пропадает в плавании целыми неделями и даже месяцами, а я пытаюсь втиснуть ответственную работу в график, который часто бывает ненормированным, мне остается только рвать на себе волосы, мучаясь угрызениями совести. Я хотела быть лучшей матерью, какой только могла, но при этом не отказываясь от своей карьеры. Это было единственное, что я пообещала себе, когда вошла в эту уже сформировавшуюся семью. Я люблю свою работу, в ней – вся я. Думаю, я опрометчиво решила получить все и сейчас и теперь расплачиваюсь за это.

– Да, она произвела впечатление совершенно нормальной, здравомыслящей.

Мы с мгновение сидим молча, размышляя над реальностью происходящего, ведь на то, чтобы составить объявление, нам потребовалось несколько ночей напряженного обсуждения. Мы вряд ли когда-либо всерьез предполагали, что кто-то на самом деле снова будет жить с нами.

– О боже, но что, если эта няня окажется не лучше последних двух? Это несправедливо по отношению к мальчикам. Или к нашей малышке. Или ко мне.

Я приподнимаю живот, чтобы подогнуть под себя ноги на диване.

– Может, установить видеоняню? – предлагает Джеймс. И наливает еще один бокал вина.

– Дай хотя бы понюхать, – говорю я, наклоняясь к бокалу

и отчаянно желая сделать глоток.

– Осторожно, алкогольные пары. – Джеймс отодвигает от меня бокал и накрывает его свободной ладонью.

Я хлопаю мужа по плечу и улыбаюсь. Просто потому, что мне приятна его забота.

– Но я хочу вдыхать пары. Видеоняня? Ты ведь не всерьез, правда?

– Разумеется, всерьез. У всех есть эти устройства.

– Черта с два они есть! Это нарушение... их, нянек, прав человека или что-то в этом роде. Ну а вдобавок, чего ты от меня хочешь? Чтобы я сидела весь день, уставившись в свой компьютер, и наблюдала, как мальчишки играют в «Лего», пока няня кормит малышку? В чем смысл вообще приглашать няню, как ты считаешь?

– Тогда брось работу, – говорит он робким, но очень серьезным голосом.

– О, Джеймс, – укоряю я, не веря своим ушам. Неужели он опять пробует предложить мне это? – Давай не будем начинать снова...

Предостерегая от продолжения этой щекотливой темы, кладу руку Джеймсу на бедро. Он пожимает плечами и делает телевизор громче. Идет «Детская больница». Последнее, что я хочу смотреть, это истории о больных детях, но кроме сериала ничего путного нет.

Размышляю над идеей по поводу видеоняни. И начинаю думать, что это могло бы сработать.

Внезапно в дверном проеме картинно застывает Оскар (он – мастер производить нужные эффекты) – крошечный мальчик в драматичный период своей жизни. Он впечатляюще замер на месте, из его носа льется кровь. Оскар даже не пытается остановить этот поток. Его пижама с героями мультсериала «Бен 10» выглядит прямо-таки театрально.

– О, солнышко, Осси, – причитаю я.

Нечего и пытаться встать с места. Джеймс тут же вскакивает, на ходу выдергивая несколько бумажных носовых платков из коробки на столе.

– Только не снова!

Джеймс хватает нашего сына и усаживает его на диван рядом со мной. Муж уходит за льдом, а Оскар прижимается ко мне, обнимая. Он кладет голову на мой живот, и кровь сочится прямо на мою старую футболку.

– Она говорит, что любит тебя, Осси, – объясняю я ему.

Он поднимает на меня большие голубые глаза и убийственно кровоточащий нос. Джеймс возвращается с пачкой замороженного зеленого горошка.

– Может, прихватишь кухонное полотенце? – предлагаю я, не желая прикладывать горох прямо к носу Оскара.

Джеймс кивает и опять уходит, на сей раз за полотенцем.

– Как она может любить меня? Она даже меня не знает. – Судя по голосу, нос Оскара основательно заложен.

– Ну...

Джеймс снова возвращается. Я оборачиваю ледяной свер-

ток полотенцем и прикладываю к маленькой переносице Оскара, осторожно прижимая. Врач говорит, если подобное будет продолжаться, потребуется прижигание.

– Она любит тебя, ручаюсь. Это инстинктивное, врожденное чувство. Дети появляются на свет со своей собственной любовью, и она уже знает, что мы любим ее.

– Ноа ее не любит, – тянет Оскар из-под ледяной пачки. – Он говорит, что ненавидит ее и хочет одним выстрелом отправить ее прочь с этой планеты.

Даже при том, что речь идет всего-навсего о Ноа, моем маленьком «сыне по доверенности», внутри у меня все содрогается.

– Он, возможно, немного ревнует, только и всего. Его отношение изменится, когда она родится, вот увидишь. – Я смотрю поверх головы Оскара и перехватываю взгляд Джеймса.

Мы оба строим гримасы, задаваясь вопросом, какие же «прелести» ожидают нас с тремя дошколятами, а потом я принимаюсь терзаться мыслью о том, что им снова придется привыкать к новой няне. Возможно, было бы проще, если бы я действительно бросила работу.

– А теперь давай-ка посмотрим, как тут дела. – Я приподнимаю пакет с горохом и отнимаю от носа Оскара насквозь пропитанный красным платок.

Кровотечение, похоже, остановилось.

– Как я уже сказала, – продолжаю, когда Оскар уходит

спать, – Зои Харпер показалась мне... славной.

Другие определения упорно ускользают от меня.

– Нет, в самом деле, – смеюсь я, когда Джеймс корчит забавную рожицу. – О боже, боюсь соврать!

Я поглаживаю живот и добавляю:

– Она вроде бы работала в Дубае и Лондоне.

– Сколько ей? – выдыхает винные пары Джеймс.

Мне так хочется поцеловать его...

– Думаю, лет тридцать или что-то вроде этого. Если честно, даже не спросила.

– Очень разумно. С тем же успехом ей может быть двенадцать.

– Дай мне хоть одну чертову возможность, Джеймс. Я собираюсь пропустить ее через пресс, схватить за шкурку, вывернуть наизнанку, а потом снова прокатать под прессом. К тому моменту, как я закончу, буду знать о ней больше, чем она сама о себе знает.

– Я просто не понимаю, зачем тебе вообще возвращаться на работу. Словно мы так нуждаемся в деньгах!

Эта идея от души меня смешит. Заставляет прямо-таки хохотать до колик в животе.

– О, Джеймс. – Я поворачиваюсь на бок и прижимаюсь к нему. Подтянувшись повыше, целую его в шею. – Ты ведь с самого начала знал, что к чему. Мы хотели ребенка, но я, помимо прочего, люблю свою работу. Неужели я слишком эгоистична, чтобы желать сразу все?

Я опять целую Джеймса, и на сей раз он поворачивает голову и отвечает на мою ласку, но любые проявления нежности для нас так сложны... Муж прекрасно знает, что к чему. Сейчас я должна твердо придерживаться предписаний врача.

– В любом случае все в отделе полетит в тартарары, если я совсем брошу работу. У нас и так уже не хватает сотрудников.

– Я думал, в твое отсутствие всем заправляет Тина, разве не так?

Я качаю головой, чувствуя, как постепенно накатывает нервное напряжение.

– Коллеги и так распределили между собой моих подопечных на время декретного отпуска, но когда с малышкой и мальчиками все устроится, я хочу вернуться. Во всяком случае, если я доработаю непосредственно до родов, смогу провести больше времени дома с дочкой потом, когда она появится на свет.

Чувствуя мое беспокойство, Джеймс обнимает ладонью мою щеку и звонко чмокает меня в губы. Поцелуй получается страстным и предельно четко гласящим: «Я больше не буду упоминать об этом, и, что еще более важно, я не стану давить на тебя по поводу секса».

– Как бы то ни было, Зои Харпер, эта исключительная няня, заглянет на чашечку кофе завтра утром в одиннадцать, – усмехаюсь я.

– Замечательно, – отзывается Джеймс, переключая на канал «Скай ньюс».

Муж принимается внимать всей этой чепухе о фондовой бирже и стонет о пенсии и инвестициях. Я же просто не могу заглядывать так далеко вперед – представлять, как стану старой и выйду на пенсию, как мне придется выносить за Джеймсом фамильный ночной горшок. Я вижу будущее лишь до окончания этой беременности, до того момента, когда появится на свет мой ребенок и мы превратимся в полноценную семью. Когда я стану наконец настоящей матерью.

Я опаздываю. Ледяной воздух жалит кожу, и я чувствую, как хмурое выражение застывает на моем лице. Я не могу позволить себе опоздать. Мне просто позарез нужна эта работа, и о том, чтобы упустить ее, не может быть и речи. Боже, ни одна живая душа не догадывается, как отчаянно требуется мне это место у Джеймса и Клаудии Морган-Браун! Скорее бы добраться до них – этого семейства с двойной фамилией, живущего в большом доме в Эджбастоне. Быстрее кручу педали. Когда приеду, наверняка буду взмокшей, красной и взъерошенной. И кто это решил, что добираться на велосипеде – хорошая идея? Интересно, впечатлит ли их такой способ передвижения и рассказ о моей любви к свежему воздуху, склонности к экологически чистому транспорту и расположенности к физической нагрузке, которые я, несомненно, передам их отпрыскам? Или, возможно, это лишь заставит их считать меня идиоткой, прибывшей на собеседование на велосипеде.

– Сент-Хильда-Роуд, – неустанно твержу я, искоса поглядывая на дорожные знаки. Отрываю от руля руку, чтобы показать, что собираюсь повернуть направо, и тут же начинаю вихлять. Какая-то машина оглушительно сигналит, когда я пытаюсь восстановить равновесие прямо посреди дороги. – Простите! – пронзительно кричу я, хотя этот район – явно

не из тех, где принято вот так вопить. Он сильно отличается от моего места жительства... моего последнего места жительства.

Я съезжаю на обочину и достаю из кармана клочок бумаги. Проверяю адрес и снова пускаюсь в путь. Энергично жму на педали, проезжаю еще две дорожки и сворачиваю налево, на их улицу. Дома и прежде были большими, но здесь, вниз по Сент-Хильда-Роуд, они прямо-таки огромные. Величественные здания в георгианском стиле высятся на земельных участках по каждой из сторон усаженной деревьями улицы. Резиденции для истинных джентльменов, как сказали бы агенты по недвижимости.

Дом Джеймса и Клаудии похож на все остальные – особый в историческом стиле, до половины густо увитый диким виноградом. Садовник из меня плохой, но я знаю это растение по дому моего детства, который, кстати говоря, раз в двадцать меньше этого особняка. Среди выющихся зарослей еще проглядывает несколько зацепившихся за голые ветви багряных листьев, хотя на дворе середина ноября. Я вкатываю велосипед через огромные открытые кованые железные ворота. Гравий хрустит под ногами. Никогда еще я не ощущала себя такой привлекающей внимание.

Семья Морган-Браун живет в симметричном доме, возведенном из красного кирпича. Входная дверь, окруженная каменным портиком, выкрашена в глянцевый зеленый цвет. С каждой стороны впечатляющего входа в дом располагают-

ся большие витражные окна. Я не знаю, как поступить с моим велосипедом. Может быть, мне следует просто положить его на гравий у основания ступеней крыльца? Но это сделает ромбовидные клумбы с розами и аккуратные прямоугольники газонов на внушительном пространстве стоянки похожими на склад металлолома. Осматриваюсь. Неподалеку от главных ворот стоит дерево. Быстро возвращаюсь на улицу. Корни дерева выпирают из земли и раскалывают асфальт подобно мини-землетрясению, а ствол слишком большой, чтобы обхватить его моей цепью с замком. Прохожу чуть вперед по тротуару, катя велосипед, и замечаю сбоку от дома еще одну, поменьше, подъездную дорогу, которая ведет к гаражу на три машины. Я снова нерешительно вхожу на чужую частную территорию, чувствуя себя так, будто множество глаз следят за мной из окон, наблюдая за этими глупыми, неумелыми метаниями.

Я по-прежнему не знаю, куда деть велосипед. Он выглядит слишком блестящим и новым для того, кто якобы ездит на нем повсюду. Решаю, что остается лишь прислонить велосипед к стене гаража, вне поля зрения прохожих и обитателей дома. Кладу своего «железного коня» осторожно, чтобы не поцарапать массивный четырехколесный велосипед или БМВ, которые стоят бок о бок.

Я делаю глубокий вдох и пробегаю пальцами по волосам, придавая им некое подобие прически. Вытираю рукавом пот с лица. Потом подхожу к парадной двери и три раза стучу

дверным молотком, представляющим собой громадную перевернутую вниз головой медную рыбу. Вижу перед собой ее широко разинутый рот.

Долго ждать не приходится. Маленький бледный ребенок открывает дверь и при этом тянет ее на себя так, словно для этого требуется вся его сила. Ростом мальчуган доходит мне до бедра, у него белая, почти прозрачная кожа и взлохмаченные светлые волосы мышиного оттенка. Один из моих подопечных, как я понимаю. Они, кажется, близнецы.

– Что? – грубо бросает мальчик.

– Привет. – Опускаюсь на корточки, как обычно делают все няни, и улыбаюсь. – Меня зовут Зои, и я пришла к твоей мамочке. Она здесь?

– Моя мамочка на небесах, – говорит он, пытаясь закрыть дверь. Мне следовало захватить с собой конфеты или что-то в этом роде.

И, не успеваю я решить, каким образом поступить, – оттолкнуть его, рискуя затеять потасовку с ребенком, или вернуться к медной рыбе и опять постучать, – как над нами нависает красивая женщина. У нее огромный живот, который выпирает из-под эластичного черного топа. Я просто не могу отвести от него взгляд.

– Вы, должно быть, Зои, – говорит она. Голос у женщины такой же приятный, как и она сама. Этот голос встряхивает, возвращая к реальности. Хозяйка дома одаривает меня улыбкой, и от внешних уголков ее глаз начинают разбегать-

ся морщинки, а на щеках образуются ямочки. Она кажется самой дружелюбной женщиной на свете.

Я поднимаюсь и протягиваю руку:

– Да, а вы, судя по всему, миссис Морган-Браун.

– О, зовите меня Клаудией, пожалуйста. Входите, – широко улыбается она.

Клаудия отходит в сторону, и я захожу в дом. Здесь пахнет цветами – на столике в прихожей красуется ваза с лилиями, – но главным образом в воздухе витает «аромат» сожженного тоста.

– Пойдемте, нам будет удобнее на кухне. Выпьем по чашечке кофе, – зовет меня Клаудия с приятной улыбкой и невероятных размеров животом.

Пока мы идем по черно-белому, будто шахматная доска, кафельному полу, ребенок, который открыл дверь, носится между нами. За пояс его брюк заткнут игрушечный пистолет. Мы заходим на кухню. Она просто огромная.

– Дорогой, Зои здесь.

Мужчина поднимает глаза от «Таймс». Весьма привлекательный, как и, полагаю, все члены этой семьи.

– Добрый день, – говорю я как можно более приветливо.

Мы немного мнемся, как это обычно бывает при знакомстве.

– Привет, я – Джеймс. Рад познакомиться. – Он на мгновение приподнимается и протягивает мне руку.

Клаудия подает мне кофе, который волшебным образом

появляется из начищенной до блеска машины. Аппарат выглядит таким навороченным, что и подойти-то страшно, а ведь мне, безусловно, придется пользоваться этой машиной, если я получу работу. Делаю глоток и оглядываюсь, пытаюсь не таращить в удивлении глаза. Кухня впечатляет. Там, где я живу... где почти не живу... кухня размером с чулан. И нет никакой комнаты для посудомоечной машины или каких-либо затейливых электроприборов, но потом я напоминаю себе, что нас всего двое, и на то, чтобы сполоснуть пару тарелок и кастрюлю, времени вообще не требуется.

И все же от великолепия этой кухни у меня перехватывает дыхание. За глубокой двойной керамической мойкой находятся высокие, прямо-таки огромные окна в георгианском стиле, из которых открывается вид на расположенный внизу сад, просто громадный для города. Три стены комнаты занимают кремового цвета полки, а в старом выступе в кладке, предназначенном для дымохода, стоит красная плита «Ага» размером с автомобиль. Деревянные столешницы того же медового оттенка, что и старые деревянные полы, придают помещению налет деревенского стиля. В этом углу комнаты, около соснового стола, располагается старый продавленный диван, заваленный подушками, довольно неряшливого вида, весь в складках. На нем разбросаны детали «Лего».

Джеймс сворачивает газету и отодвигается. Я сажусь рядом с ним. От него пахнет мылом. Места для Клаудии не остается, и она подтягивает стул от стола.

– Мне лучше взгромоздиться на стул, – объясняет Клаудия. – А то потом меня придется вытаскивать из этого старья подъемным краном.

На мгновение повисает тишина.

Вдруг у наших ног начинают носиться туда-сюда два маленьких мальчика. Они похожи как две капли воды. Братья громко ссорятся из-за пластмассовой игрушки.

– Оскар, – утомленно говорит Джеймс, – отдай ее.

Я не уверена, что Оскар должен уступать. Он взял игрушку первым.

– Итак, – начинаю я, когда гвалт стихает, – вы наверняка хотите узнать подробнее об опыте моей работы.

Я основательно подготовилась к собеседованию, выучила все так, чтобы от зубов отскакивало. Вплоть до цвета глаз моего последнего работодателя и объема двигателя его автомобиля. Зеленовато-коричневый и два с половиной литра. Я готова к чему угодно.

– В скольких семьях вы работали? – спрашивает Клаудия.

– В общей сложности в четырех, – легко отвечаю я. – Самый короткий срок работы составлял три года. Я оставила это место только потому, что семья переехала жить в Техас. Я могла бы поехать с ними, но предпочла остаться в Англии.

Что ж, все идет хорошо. Похоже, мне удалось произвести впечатление на Клаудию.

– Почему вы оставили последнее место работы? – неожиданно бросает Джеймс. Он впервые выказывает хоть толику

интереса к нашему разговору. Видимо, доверяет принятие решения жене, так что вряд ли выгонит взащей няню, если выяснится, что та попала в их дом прямиком из преисподней.

– Ах! – отвечаю я с самоуверенной улыбкой. – Когда дети вырастают, нянь обычно увольняют.

Клаудия смеется, но Джеймс остается серьезным.

Этим утром я оделась особенно тщательно: практичные сужающиеся книзу брюки для езды на велосипеде, почти цвета ржавчины, и закрытая серая футболка, поверх которой я натянула симпатичный бледно-желтый кардиган. У меня короткие и немного спутанные волосы – прическа модная, но не чрезмерно. Никаких колец. Только мое серебряное ожерелье с подвеской в форме сердца. Это особенный подарок. Я выгляжу привлекательно. Этакая симпатичная няня легкого поведения.

– Я пять лет была няней у Кингсли. Когда я поступила на работу, Бет и Тилли было десять и восемь соответственно. В тринадцать лет младшего ребенка отправили в школу-пансион, и мои услуги семье больше не требовались. Миссис Кингсли – Мэгги – уверяла, что ради такой няни, как я, готова родить еще одного ребенка.

Я специально вставляю в предложение ее имя, потому что Клаудии явно по душе подобное положение вещей. Близкие отношения, когда обращаются друг к другу по имени.

«То, как мягко ее руки лежат на раздутом животе... это

убивает меня», – думаю я.

– Так сколько вы были без работы? – напрямик, довольно резко спрашивает Джеймс.

– Я не считаю себя в полной мере безработной. Я покинула дом Кингсли летом. Они пригласили меня в свой дом на юге Франции в качестве прощального подарка, а потом я прошла короткий, но интенсивный курс в Италии, в центре Монтессори.

Жду реакции на это сообщение.

– О, Джеймс! Я всегда говорила, что нам стоит записать мальчиков в школу, работающую по методике Монтессори.

– Это был удивительный опыт, – продолжаю я. – Прямо горю желанием применить на практике полученные знания.

Мысленно делаю себе памятку о том, что нужно перечитать информацию о системе воспитания Монтессори.

– Это помогает с четырехлетними злоумышленниками? – ухмыляется Джеймс.

Я не могу удержаться от короткого смешка.

– Несомненно. – И тут, как по заказу, на меня высыпается содержимое целой пачки восковых мелков. Я пытаюсь подавить реакцию вздрогнуть от неожиданности. – Эй... ты хочешь раскрасить меня?

Близнец, встретивший меня у входной двери – я понимаю, что это он, только по его зеленой рубашке, – шипит на меня сквозь зубы. Он хватает с пола пару мелков и, прицелившись, швыряет ими в меня.

– А ну-ка, прекрати, Ноа, – говорит его отец, но мальчик и ухом не ведет.

– Не принесешь ли мне какую-нибудь бумагу? – прошу я, не обращая внимания на то, как саднит щеку.

– Мне очень жаль, – оправдывается Клаудия. – Я бы сказала, что они – дерзкие, но, по сути, не такие уж и злоумышленники. Только Ноа время от времени ведет себя буйно.

– Осложнения при родах, – тихо добавляет Джеймс, пока мальчики ссорятся, выясняя, кому из них сходить за блокнотом.

Я перевожу взгляд на Клаудию и жду ее объяснений. Как бы то ни было, я и так уже все знаю.

– Это осложнения не при моих родах, – объясняет она, с нежностью поглаживая ладонью живот. Потом, уже шепотом, добавляет: – Близнецы – не мои. То есть они, конечно, мои, но я – не их биологическая мать. Это просто к вашему сведению.

– О... Все в порядке. Поняла.

– Моя первая жена умерла от рака, когда мальчикам было два месяца от роду. Болезнь появилась ниоткуда и отняла у нее жизнь, – замечая тотчас же появившиеся на моем лице огорчение, Джеймс машет руками. – Нет, ну все действительно в полном порядке.

Я тут же меняю выражение эмоций – немного поджатые в сочувствии губы и почтительный быстрый взгляд из-под бровей. Это все, что требуется.

– Эй, а ты – молодец, – хвалю я, когда Ноа мчится ко мне, размахивая блокнотом. – Ну а теперь почему бы тебе не поторопиться, чтобы мы посмотрели, кто сможет собрать с пола больше мелков? А потом устроим конкурс, оценим, кто лучше нарисует мой портрет. Хорошо?

– Холосо! – кричит Оскар. Он уже подпрыгивает от волнения. Его щеки розовеют.

Ноа останавливается и с секунду пристально смотрит на меня – должна признаться, это сильно нервирует, – а потом спокойно вырывает лист из блокнота.

– Это тебе, Оскар, – и отдает листок брату.

– Умничка! – одобряю я. – Ну а теперь – марш рисовать, и приходите вдвоем, только когда закончите!

Близнецы сбрасывают с ног свои дурацкие тапочки – с изображениями героев мультфильмов или кого-то в этом роде – и затихают за столом с мелками. Оскар просит у брата синий цвет. Ноа дает ему нужный мелок.

– Я впечатлен, – скрепя сердце признает Джеймс.

– Полнейшее отвлечение внимания, одобренное малой толикой здоровой братской конкуренции.

– Мы ищем кого-то, кто мог бы жить здесь с понедельника по пятницу, Зои. У вас не возникло бы с этим трудностей? – Щеки Клаудии приобретают коралловый оттенок, заставляя меня представлять, как я прикасаюсь к ним, этим маленьким пятнам румян, большим пальцем. Все понятно: прилив жара, свойственный беременности.

– С этим не возникло бы вообще никаких трудностей. – Я думаю о квартире, в которой живу, и обо всем, что там находится. Потом размышляю о том, что смогу поселиться здесь. Мое сердце трепещет, и я делаю глубокий вдох. – Прекрасно понимаю, почему вам требуется кто-то под рукой на всю рабочую неделю, без перерыва.

Если честно, график этой работы просто идеален.

– Но вы можете уходить домой на уик-энды, – предлагает Клаудия.

Я тут же падаю духом, хотя и не показываю своего разочарования. Я должна подстроиться подо все, чего они от меня хотят.

– Я могу исчезать в пятницу вечером и волшебным образом появляться вновь в понедельник утром. Но могу остаться и на уик-энды, если буду вам нужна. – Этот ответ, надеюсь, удовлетворит их на данном этапе. На самом деле этот номер не пройдет. Я не могу полагаться на судьбу.

– Смотри! – кричит Ноа и машет клочком бумаги в мою сторону.

– Ох, держи это в тайне до тех пор, пока не закончишь, – говорю я мальчику и обращаюсь к его родителям: – Поступая на работу, я предпочитаю становиться частью семьи, но сохранять при этом дистанцию – вы наверняка понимаете, о чем я говорю. Я – здесь, если нужна вам, и исчезаю, если надобности во мне нет.

Клаудия кивает в знак одобрения.

– Большую часть времени я нахожусь в море, – сообщает мне Джеймс, хотя ему и не нужно этого делать. – Я – военно-морской офицер. Подводник. Главным образом вы будете иметь дело с Клаудией.

«Главным образом вы будете иметь дело с...». Он говорит так, словно мысленно уже принял меня на работу.

– Вы хотите осмотреть дом? Увидеть, где будете жить? – Клаудия поднимается, уперев руки в поясницу типичным для беременных жестом.

– Конечно.

Мы начинаем с осмотра нижнего этажа, и Клаудия принимается водить меня из комнаты в комнату. Все они внушительных размеров, и по виду некоторых не скажешь, что сюда когда-либо заходят.

– А в этой комнате мы бываем не слишком часто, – говорит Клаудия, когда мы заходим в столовую, эхом повторяя мою мысль. – Только на Рождество и по каким-то особым случаям. Когда друзья заглядывают на ужин, мы предпочитаем принимать их на кухне.

В столовой холодно, здесь я вижу длинный отполированный до блеска стол с располагающимися вокруг него двенадцатью резными стульями из столового гарнитура. Тут же выделяются декоративный камин и замысловатые лепные карнизы, а по центру висит люстра темного оттенка фиолетового. Комната красивая, но неуютная.

Мы снова проходим через выложенную шахматной плит-

кой прихожую.

– А в эту комнату мальчикам... ну, в общем, они заходят сюда крайне редко.

Она имеет в виду, что им не позволяют здесь бывать, догадываюсь я. Клаудия показывает мне огромную комнату с роскошными кремовыми диванами. Тут нет телевизора, только множество старых картин на стенах и антикварные столики со стеклянными блюдами и лампами на них. Я представляю, как близнецы в донельзя грязнящих ботинках скачут с дивана на диван, размахивая огромными палками, в то время как изысканные украшения интерьера летают по воздуху, а картины рвутся. С трудом сдерживаю улыбку.

– А тут мы смотрим телевизор, – объясняет Клаудия, когда мы останавливаемся у следующей комнаты. – Если затопить камин, здесь становится по-настоящему тепло и уютно.

Клаудия удерживает дверь открытой, и я заглядываю внутрь. Моему взору предстают большие пурпурные диваны и толстый пушистый ковер. Вдоль одной из стен тянутся книжные полки, забитые под завязку книгами в мягких обложках. Я уже представляю, как читаю здесь мальчикам, ожидая, когда Клаудия вернется домой, наполняя ей ванну, гадая о дате ее родов. Я буду идеальной няней.

– А вот и детская. – Она медлит, положив пальцы на ручку двери. – Вы наверняка хотите сюда войти? Обычно здесь что-то вроде небольшого зоопарка.

– Просто замечательно, – отзываюсь я, проходя мимо Кла-

удии. Здесь я обязана показать себя с лучшей стороны. – Отлично! У вас много конструктора «Лего». Мне это нравится. Ух ты, да вы только посмотрите на все эти книги! Я настаиваю на том, чтобы читать детям как минимум три раза в день.

Ох, надо бы мне быть осторожнее. Клаудия уже смотрит на меня так, словно я неправдоподобно идеальна.

Этажом выше располагается целый ряд спален, соединенных ярусными лестничными маршами с перилами. Я заглядываю в гостевые апартаменты, а потом Клаудия показывает мне комнату мальчиков. Они делят одно жилье. Здесь чисто. Я вижу две односпальные кровати с красно-синими пуховыми одеялами, большой ковер с изображением серых дорог и блеклых домов и пару клеток то ли с хомяками, то ли мышами внутри.

– Три раза в неделю к нам приходит домработница. Вам не придется делать уборку.

Я киваю:

– Я не против внести свою скромную лепту в работу по дому, но предпочитаю проводить время в заботах о детях.

– В таком случае пойдемте наверх посмотреть вашу комнату. «Вашу комнату» – подумать только!

Еще один лестничный марш уводит нас на самый верхний этаж. Это не чердак типа «покрытая пылью халупа», скорее пространство с наклонными потолками, балками и старой мебелью в деревенском стиле. На маленькой лестничной площадке стоит потрепанный сундук, выкрашенный белой

краской. На полу – покрытие из сизаля, а на дверях, ведущих в глубь чердака, висят сшитые из разноцветных лоскутов сердечки.

– Здесь, наверху, три комнаты. Маленькая спальня, гостиная и ванная. Будем рады, если вы станете есть с нами на кухне. Пользуйтесь всем по своему усмотрению.

«По своему усмотрению». Ну надо же!

– Здесь красиво, – делюсь впечатлениями я. – Очень домашнему.

Окружающее пространство словно сошло со страниц журнала о дизайне интерьеров и, если честно, оборудовано не совсем в моем стиле.

– Наверху у вас будет немного тишины и покоя. Я устрою тут «бесполетную зону» для мальчиков.

– О, в этом нет необходимости. Мы можем весело проводить здесь время.

Я снова осматриваю комнаты, оживленно забегая в каждую, как взбудораженный ребенок. В спальне – наклонный потолок и маленькое окно, выходящее в сад, в ванной я вижу лохань на ножках и старомодный туалет.

– Это мне по душе, – отчаянно пытаюсь дать понять, что мне все нравится, не выдав при этом ненароком то, что фактически я – бездомная.

Мы возвращаемся на кухню, где Джеймс опять прячется за своей газетой, и Клаудия вручает мне какой-то список. Ух ты, аж на двух страницах!

– Тут кое-что для вас, возьмите с собой и обдумайте наше предложение, – говорит она. – Это список обязанностей и всего того, что мы ожидаем от вас. Плюс перечень того, чего делать не нужно.

– Великолепная идея. В таком случае неразберихе не осталось ни малейшего шанса, – отзываюсь я. И размышляю о том, что, сколько списков ни напиши Клаудия, какие основополагающие правила и должностные инструкции она ни придумай, этого все равно в конечном счете окажется недостаточно. – Я всегда открыта для предложений, исходящих от семей, с которыми работаю. Мне нравится устраивать еженедельные встречи с родителями, чтобы обсуждать, как дела у их детей, и все такое.

В этот момент близнецы начинают прыгать рядом со мной, как пара тьявкующих терьеров.

– Погляди мой, погляди мой!

– Нет, мой!

– Только посмотрите, что вы устроили, – смеется Клаудия, но вдруг подхватывает себя под поясницу. Потом прислоняется к столешнице, и лицо ее искажается гримасой.

– Ты в порядке, дорогая? – Джеймс пытается встать, но Клаудия машет на него руками, одними губами произнося: «Все хорошо».

– Что ж, покажите-ка. Хм... На этом рисунке я напоминаю пришельца из космоса с огромными розовыми губами и без волос. А на этом, полагаю, я – наполовину человек, на-

половину лошадь, да еще и с гривой до земли.

– Не-е-ет! – хором тянут мальчики.

Они хихикают, и Ноа толкает Оскара. Тот умудряется удержаться на ногах.

– И какой, какой из них лучше?

– Они нравятся мне одинаково. Вы – блестящие художники и оба – победители. Я могу оставить их себе?

Мальчики благоговейно кивают, и их рты широко открываются, обнажая крошечные зубы. Близнецы радостно убегают, и до меня доносятся звуки водопада деталей «Лего», словно в детской вывалили на пол целую коробку.

– Думаю, вы – настоящий хит, – констатирует Клаудия. – Вам хотелось бы задать мне какие-нибудь вопросы?

– Да, – отвечаю я, не в силах отвести взгляд от ее выпирающего живота. Сердце бьется так стремительно, что, кажется, вот-вот вырвется из груди. – Когда ребенок должен появиться на свет?

Все это время я умираю от желания спросить об этом.

Инспектор уголовной полиции Лоррейн Фишер никогда не бросала начатую работу. Прислонившись к стене, она вытерла рот тыльной стороной ладони. Носового платка у нее не было.

– Вы кто? – бросила Лоррейн человеку, стоявшему в крошечной прихожей квартиры. Горло у нее жгло, на лице застыло мрачное выражение.

– Вы дадите мне эксклюзивный комментарий, детектив? Как вы считаете, речь пойдет о расследовании убийства? – живо поинтересовался он.

– Уберите отсюда этого придурка, вы, идиоты, здесь – место преступления! – рявкнула инспектор Фишер на своих коллег.

Группа в белой спецодежде тут же развила бурную активность, и вскоре журналист исчез, будто и не бывало.

Лоррейн ощутила, как еще одна булькающая, вызывающая отвращение волна поднялась с самого дна живота, но вспомнила, что внутри уже ничего не осталось. У Лоррейн не было времени на завтрак, она пропустила ланч, а перспектива обеда вырисовывалась весьма туманно. Даже та пачка чипсов не болталась теперь в желудке.

– Я никогда не видела ничего подобного, – произнесла Лоррейн, в недоумении вскинув руку ко лбу. И тут же уро-

нила ее, осознав, что этот жест может дать неверное представление тем, кто ее не знал. За двадцать лет службы ей еще не доводилось сталкиваться с чем-либо столь же безжалостным и прискорбным. Как женщина – как мать, – она была возмущена до глубины души. Лоррейн снова стянула с лица белую маску и глубоко вздохнула – отчасти для того, чтобы собраться с духом, а отчасти потому, что до последнего сдерживала дыхание, пытаясь не втянуть в себя ненароком смрад разложения, заполнивший маленькую ванную.

Все произошло здесь, инспектор поняла это сразу. Больше нигде в квартире следов крови не было. Керамические плитки, когда-то белые, а теперь покрытые плесневым налетом, который тянулся вдоль края ванны, оказались забрызганными и вымазанными кровью. Одни следы были розовато-красными, другие – темно-бордовыми, почти коричневыми, они испещряли плитки мелкими трещинами, превращая их в подобие жутких произведений застывшего во времени искусства в галерее Тейт Модерн.

«Иисус милосердный... что же здесь произошло?» – мелькнуло в голове Лоррейн.

В раковине валялись молоток-гвоздодер и кухонный нож. Этот нож был частью набора, обнаруженного на кухне квартиры. Оба инструмента были перепачканы кровью. Из крапа капало каждые пару секунд, и вода чистой белой струйкой стекала с одного конца забрызганной кровью пластиковой ванны. В ней лежала обнаженная женщина. Ванна ока-

залась заткнута пробкой. Рядом с погибшей лежал посиневший и бездыханный ребенок, его тонкая ранимая кожа была покрыта пятнами. Лоррейн предположила, что синяки в форме пальцев остались на крохотных плечах с того самого момента, как это вытянули из матки.

Инспектор Фишер прервала свои размышления. «Это?» – пронеслось в ее сознании.

«Это мальчик, – резко, ругая себя, поправилась Лоррейн. – Маленький новорожденный мальчик».

Она вспомнила о своих собственных детях и посмотрела на часы. Завтра утром у Стеллы экзамен по фортепиано, а игра на инструменте в последнее время явно не входила в число самых важных ее дел.

Сейчас детективу требовалось подумать о чем-то подобном – заставить свой разум сосредоточиться на таких вот обычных, повседневных, обыденных вещах.

А еще не стоило забывать о Грейс и ее проклятых экзаменах на школьный аттестат. Дочь должна была сдать несколько экзаменов после Рождества, и Лоррейн понятия не имела, как обстояли дела с ее подготовкой к этому серьезному испытанию. Отметив про себя, что неплохо бы это выяснить, инспектор устала на кровавое месиво в ванне. В сознании промелькнули образы ее девочек в младенческом возрасте. «Все нормально, – подумала она. – Со мной все хорошо... просто никак не привыкну к этому гребаному миру». Впрочем, ничего нормального или хорошего в размыш-

лениях о своей семье прямо на месте происшествия не было, независимо от того, какая дрянь случилась на сей раз.

Женщина была молода. Лет двадцати пяти, как прикинула Лоррейн, хотя определить это оказалось нелегко. Некогда беременный живот погибшей был вспорот – довольно аккуратно, пришлось признать инспектору, – от грудины до лобковой кости и теперь выглядел сморщенным и опустошенным. В воздухе еще ощущался сладковатый запах околоплодных вод, смешанный с резким металлическим привкусом крови, но главным образом здесь улавливалось тошнотворное зловоние разложения. Затыкавшая ванну пробка надежно сохранила все секреты, которые таило в себе небольшое количество вязкой жидкости. Скоро этот материал должен будет отправиться в лабораторию, чтобы подвергнуться тщательному анализу.

– А он, этот убийца, не сдал бы свои медицинские экзамены, – произнесла инспектор Фишер сквозь маску, обернувшись через плечо.

Лоррейн заметила констебля уголовной полиции Эйнсли, который метался в дверном проеме, зажимая ладонью рот.

– Так неправильно, вот, смотри, как нужно. – Инспектор пальцем прочертила в воздухе над телом горизонтальную линию. – Мой шрам гораздо ниже.

Она уже хотела коснуться его, аккуратного маленького шва в месте, откуда вытащили извивающихся и кричащих Стеллу и Грейс, но удержалась от этого.

Лоррейн уставилась на мертвое лицо женщины. Искривленные мукой черты, прикушенный вывалившийся язык, пальцы, вцепившиеся в собственные волосы, которые она вырвала в приступе нестерпимой боли, царапина на щеке – несчастная простилась с жизнью в состоянии убийственного ужаса и страха.

– Что мы о ней знаем? – повернулась к констеблю Лоррейн. Ей требовалось срочно выйти. В крошечной ванной она чувствовала приступ клаустрофобии.

– Салли-Энн Фрайт, – отозвался констебль Эйнсли. – Мать-одиночка. Ну, то есть она собиралась стать матерью-одиночкой, – поправился он. – Мы не знаем, кто был ее любовником или отцом ребенка. Соседи говорят, время от времени к ней приходили двое мужчин. Иногда из ее квартиры доносились крики.

– Продолжай допрашивать соседей. Я хочу, чтобы все обитатели дома дали показания сегодня же, – распорядилась Лоррейн, натягивая латексные перчатки.

Она медленно обошла маленькую гостиную, пробегая глазами по обстановке комнаты. Узорчатый диван, старый телевизор, лампа, камин и фотографии в рамках на полке над ним. Бежевый ковер с несколькими пятнами. Все самое обыкновенное. В углу – маленький стол с ноутбуком и разбросанными бумагами и учебниками.

– Судя по всему, она была студенткой, – заключила Лоррейн, бросив взгляд на книги. – «Основы управленческого

учета». «Веселенькое» читиво.

– Рей, – вдруг послышался чей-то нетерпеливый голос. – Добрался сюда так быстро, как только смог.

Лоррейн застыла на месте, но лишь на какую-то секунду. Потом обернулась, чтобы поздороваться с пришедшим.

– Привет, Адам, – устало бросила она. В глубине души Лоррейн надеялась, что это дело поручат кому-то другому. Тот факт, что расследование возглавил ее муж, как обычно, не сулил легкой работы. – Пожалуйста, не называй меня так.

– Прости, Лоррейн, – поправился он, прекрасно зная, как ей не нравится легкомысленное обращение «Рей» и при исполнении служебных обязанностей, и вне работы. – Нам известно, что произошло?

Адам подошел к Лоррейн чуть ли не вплотную, не обращая внимания на то, что она явно напряглась. А он воспользовался ее новым гелем для душа. Лоррейн чертовски хорошо улавливала этот запах.

– В ванной – мертвая женщина. Она была беременна.

Когда Адам ушел, чтобы осмотреть место происшествия, Лоррейн осторожно взяла со стола несколько бумаг. Большею частью это были обычные студенческие записи и бумажные папки, но одна из них отличалась от остальных. На переплетенном светло-сером пластике серебряными буквами было напечатано: «Медицинский центр «Уиллоу-Парк». Слова располагались над темно-синим изображением ивы – логотипом клиники. До Лоррейн донеслись характерные звуки

из ванной – Адама выворачивало наизнанку.

Лоррейн открыла папку. На первой странице была указана общая информация о Салли-Энн: дата рождения, номера телефонов, ближайший родственник – некто по имени Расс Гудол. Впрочем, Лоррейн заметила, что раньше там было написано другое имя, но оно было так тщательно зачеркнуто черной ручкой, что детектив не могла его разобрать. «Бывший любовник? – принялась гадать она. – Отец ребенка?»

На следующих нескольких страницах шли таблицы и детали ее беременности: вес, артериальное давление, результаты анализов мочи. Кажется, абсолютно все было в норме. Сейчас шел ноябрь, а информацию начали заносить в папку с конца апреля – очевидно, когда Салли-Энн впервые обратилась к врачу. Она должна была родить предположительно через две недели.

Вернулся Адам, покрытый испариной и чрезвычайно бледный.

– Боже праведный! – только и мог произнести он.

– Понимаю, – отозвалась Лоррейн, подняв на мужа тяжелый взгляд.

Впрочем, их недавние разногласия уже не имели значения. Все казалось ерундой. У них были их девочки, их дом, их работа. У них все было в порядке, не так ли?

– Я сожалею о том, что произошло сегодня, Рей, – промолвил Адам.

Лоррейн услышала, как он с усилием глотнул. Его лицо

позеленело.

– Ага, – бросила Лоррейн, осознавая, что больше о вспышке эмоций за завтраком не будет сказано ни слова. Это была бессмысленная размолвка, которая подпитывалась семейными претензиями и мелкой ревностью. – Она была студенткой, изучала бухгалтерское дело, – продолжила Лоррейн. Она даже не отчитала Адама за то, что он снова назвал ее Рей. – Ей было двадцать четыре. Ближайший родственник – парень по имени Расс Гудол. Я свяжусь с медицинским центром.

– Почему кому-то вздумалось сотворить такое с беременной женщиной? – спросил Адам, качая головой и глядя в окно.

В доме напротив какая-то женщина складывала простыни в комнате на верхнем этаже, притворяясь, будто не смотрит через дорогу, где стояло с полдюжины полицейских машин, а все здание было оцеплено лентой, оповещающей о том, что здесь произошло преступление. Стоит поговорить с ней, подумала Лоррейн. Эта женщина могла видеть что-то важное, у нее прекрасный обзор.

– Кто-то пытался перерезать пуповину. Заметил?

Адам кивнул. Его желудок всегда чутко реагировал на подобные кровавые зрелища. Лоррейн знала, что ему потребуется пробежать как минимум пять миль, чтобы выкинуть это из головы.

– Возможно, у нее начались роды, возникли какие-то

осложнения, и тот, кто находился рядом с ней, решил стать героем и сделать экстренное кесарево сечение, – продолжила Лоррейн.

Адам взял одну из трех открыток, которые аккуратно лежали рядом на подоконнике.

– Что-то пошло не так, этот человек испугался и убежал.

– Взгляни-ка на это.

– «Удачи! Со всей моей любовью, Расс», – прочла Лоррейн и вздохнула. – Несомненно, это тот же самый Расс, что и в медицинской карте.

– Фактически ни в одной из этих открыток не говорится, для чего ей нужна удача, – заметил Адам, снова раскладывая открытки на подоконнике. – Одна – от кого-то по имени Аманда, другая – от мамы Салли-Энн.

– Скажи, ты стал бы отправлять открытки, желая успешных родов? Наверняка их прислали по другому поводу. Может быть, она сдавала на водительские права. Или ей предстояли экзамены.

– Разве обычно открытки приходят не после появления ребенка на свет? – сказал Адам.

– Ты спрашиваешь меня или сообщаемь мне? – спросила Лоррейн, чувствуя, как закипают в душе совершенно неподобающие случаю эмоции. – Впрочем, ты – не великий мастер по части отправления открыток по любым поводам. Так и есть, Адам, особенно по случаю годовщины...

– Прекрати! – вскинул руку муж.

Он был прав. Лоррейн так и тянуло схватить его обтянутую резиной руку, которой Адам будто защищался, но она удержалась от этого порыва. Все эти годы совместной работы – боже, Лоррейн давно потеряла им счет! – демонстрация физического контакта или проявление привязанности на службе было их личным табу. Для коллег, не знавших Лоррейн и Адама достаточно хорошо, полной неожиданностью оказывался тот факт, что они женаты. Разные фамилии, регулярные стычки и отказ Лоррейн носить обручальное кольцо – все это красноречиво говорило о том, что вне работы их ничего не связывает. Да и на службе они явно прилагали все усилия, чтобы избегать друг друга. Только если расследовалось серьезное дело – такое, как убийство Салли-Энн, – они знали, что должны объединить усилия и использовать во благо десятилетия ценного опыта.

– А это могут быть открытки из серии «желаем успешной операции»? – Лоррейн снова рылась в медицинской папке. В первый раз она пропустила эти сведения.

– Что еще за операция? – спросил Адам, присоединяясь к ней за столом.

Определенно муж воспользовался этим ее проклятым гелем для душа «Аква ди Парма», почти тридцать фунтов за штуку. В следующий раз Адам наверняка выльет на себя весь флакон.

– Вот, – ответила Лоррейн, желая немного оттянуть объявление об этой находке. Ей просто хотелось доставить себе

небольшое удовольствие, сделать нечто, заставившее почувствовать себя хоть на каплю значительнее. Лоррейн показала на аккуратный четкий почерк в верхней части страницы. Это был тот же самый почерк, что и на студенческих папках, – почерк Салли-Энн, как нетрудно было догадаться.

Адам прочел краткие записи:

– «Кесарево сечение. 18 ноября. Явиться до восьми утра. Доктор Ламб. Брэдли Уорд. Собрать сумку».

– Это завтра, – произнесла Лоррейн, пристально глядя на мужа. – Только вот кто-то опередил врача.

Ее спальня наконец-то готова. Я постаралась сделать ее комнату по-домашнему уютной. Оскар и Ноа ссорятся, выясняя, какого плюшевого мишку она захочет посадить на свою кровать.

– Мне кажется, она слишком взрослая для плюшевых мишек, – говорю я им. Они не согласны.

Я измучена. В эти дни меня выматывает даже такое простое дело, как постелить на ночь кровать. В такой ситуации остается только гадать, удастся ли мне когда-либо вернуть свое прежнее тело. Джеймс, разумеется, предложил мне помочь с подготовкой комнаты, но я ответила, что будет лучше, если он займет чем-нибудь мальчиков. Очевидно, ему это не удалось, потому что весь последний час они носились вокруг моих лодыжек, шлепаясь на пуховое одеяло. В это время я упорно билась над тем, чтобы впихнуть злосчастное одеяло, из-под которого доносилось хихиканье, в красивый розово-кремовый цветастый пододеяльник. Я довольна тем, как выглядят ее спальня и гостиная. Мне хочется, чтобы ей было удобно, хотя я немного нервничаю по поводу ее переезда сюда. Никак не могу привыкнуть к тому, что у нас снова появилась няня.

– Как дела, дорогая? – Как раз в тот самый момент, когда я думаю о муже и ужасном, неминуемом дне, помеченном

в календаре, дне его ухода в плавание, Джеймс появляется на самой верхней лестничной площадке – судя по топоту, несясь через две ступеньки, – чтобы посмотреть, как я справляюсь. – Все выглядит просто супер! Ей здесь понравится.

На сей раз Джеймса отпустили домой всего на две недели.

– Надеюсь, так и будет, – задумчиво отзываюсь я.

Он обнимает меня за плечи и пытается поцеловать, но я слишком измотана даже для объятий. Устало плюхаюсь в кресло-качалку.

– Ой! – тут же восклицаю я, хватаясь за живот.

– Осторожнее с ней, – предупреждает Джеймс, робко глядя мой выпирающий живот.

Он носится со мной с той самой минуты, как я сказала ему о своей беременности. На самом деле в этом нет ничего удивительного. У него не было возможности расти со мной, а потому и привыкать к моей новой фигуре, ее ценности и даже деформации. Думаю, мужа сбивает с толку все это – я, ставшая такой огромной, потерявшая способность делать те вещи, которые привыкла, – хотя он никогда и не признается в этом. Он относится ко мне с истинным благоговением, и мы неукоснительно следуем рекомендациям врача. Моя подруга Пип уверяет, что муж обожает ее беременное тело и никак не может насытиться им. Полагаю, в этом отношении Джеймс просто сверхосторожен, и я ценю это. Но все же скучаю по нему. Скучаю по нас...

– Считаю дни до того момента, как мы сможем кое-чем

заняться, – признаюсь я и посылаю ему воздушный поцелуй поверх голов мальчиков, пинающих плюшевого мишку по комнате.

Джеймс понимает, что я имею в виду.

– Забыла полотенца! – спохватываюсь я, с тоской думая о предстоящем тяжелом проходе вниз и вверх по лестнице.

– Передохни пока. Я пришел сказать тебе, что приготовил ужин.

– Так ты готовил ужин?

Значит, мальчиками никто не занимался, догадываюсь я, но жаловаться не на что. Когда Джеймс дома, он – прекрасный муж и отец. Он – настоящий моряк, но на суше больше всего любит хлопотать по дому. Удивительно, какие все-таки разные две стороны его жизни!

– Есть, капитан-лейтенант, – бросаю я, резко отдавая честь. Терпеть не могу, когда Джеймс надевает военную форму, даже несмотря на то что мундир – самая сексуальная его вещь. Ведь это означает лишь одно – он снова отправляется в плавание.

– Идем. – Джеймс тащит меня из кресла. – Давай покормим вас обоих.

Он улыбается и ласково гладит своего ребенка. Джеймсу тоже невероятно трудно дается предстоящее расставание. Когда мы решили пожениться, я знала, во что впуталась, знала, с чем связалась. Мои друзья твердили, что я спятила, что затея стать мамой двух маленьких мальчиков, потеряв-

ших родную мать всего несколько месяцев назад, была просто безумной, не говоря уже о том, чтобы стать женой военноморского офицера, который пропадает вдали от дома две трети года.

– Что ж, от души надеюсь, что Зои понравится работать здесь, – говорю я, выключая свет в ее новом жилище. Решение о том, чтобы нанять ее, мы с Джеймсом принимали совместно, и все же я чувствую именно себя ответственной за то, сработает это или нет.

– Поживем – увидим, – отвечает Джеймс и ведет меня вниз, на самый восхитительный в мире аромат курицы, запеченной с белым вином и свежим тимьяном.

Я зеваю. Сейчас рано, а я плохо спала прошлой ночью. Я так огромна, что рядом со мной кто-то еще просто не поместится. Кроме того, я задыхаюсь от жары в своей толстой зимней пижаме. Бедный Джеймс просыпался от каждого толчка и неуклюжего поворота моего тела, пока я пыталась устроиться удобнее, так что я поспешила удалиться в комнату для гостей. После полуночи Джеймс легонько постучал в дверь, сказав, что тоже не может заснуть. Он решил попытать счастья, хотя прекрасно знает, что это бессмысленно и мы не можем.

– Тогда давай просто пообнимаемся, – канючил он из-за двери.

– О, Джеймс, – только и ответила я, и мое последующее

молчание отправило его обратно в нашу постель, одного.

Когда Джеймс вернулся со своего последнего задания две недели назад, я показала ему заключение моей акушерки, в котором четко и обстоятельно излагались строгие правила, включавшие полный запрет секса.

– Это серьезно, – объяснила я ему. – Ты знаешь мою историю. Я не буду делать ничего, что подвергло бы риску этого ребенка.

Выражение его лица буквально убило меня. Ненавижу лгать Джеймсу. Я до сих пор не рассказала ему всю правду о своих предыдущих выкидышах, потому что вспоминать об этом было слишком тяжело.

– Может быть, тебя и уволили на берег, но мы не можем так рисковать, – настаивала я. – Тем более что ждать осталось уже недолго...

Ровно в восемь утра раздается дверной звонок, и мальчики, затеяв безумную возню, несутся открывать.

Я иду за мальчиками через холл. Меня переполняют сомнения и тягостные раздумья. Я все еще нахожусь в нерешительности, меня смущает присутствие в доме незнакомого человека, но одновременно я понимаю, что вряд ли справлюсь в одиночку, когда ребенок появится на свет. Если честно, вся эта ситуация заставляет меня чувствовать себя ни на что не годной.

За минувшие выходные мы с Джеймсом сошлись на том,

что Зои – практически идеальная кандидатура. Мы предложили ей работу днем в понедельник, как только я самым доскональным образом проверила все ее рекомендации и битый час искала информацию в Гугл, пытаясь выяснить, не таит ли Всемирная паутина каких-нибудь ужасов о Зои Харпер. Я ничего не нашла. Давшие рекомендации люди отзывались о няне в восторженных тонах. Когда я позвонила Зои, она была на седьмом небе от счастья и сказала, что может приступить к работе в среду утром. Это превосходно мне подошло, потому что сегодня в десять тридцать у меня назначен прием у врача, и все утро я буду свободна от других обязанностей. Впрочем, для начала мы вместе отведем мальчиков в школу. Мне хочется, чтобы Зои познакомилась с их учителем.

– Добро пожаловать, Зои! – тепло приветствую я.

И вот она уже появляется на ступенях крыльца, такси трогается с места, отъезжая, а по обе стороны от ее стройных ног стоят два старомодных чемодана. Я замечаю, что у стены стоит ее велосипед.

– Как приятно видеть вас снова!

– Клаудия, я тоже рада вас видеть, – широко улыбается она. – И Оскара, и Ноа... хм.

Потом она повторяет это опять, но называет их имена уже в другом порядке и показывает на второго близнеца с громким фальшивым хихиканьем. Им это нравится.

Оскар хватает один из чемоданов, перенося его через порог.

– У меня сильные мускулы, – сообщает он.

– Мои сильнее! – Ноа бросается вперед и с усилием затаскивает другой чемодан в дом.

Чемодан тут же падает, открывается, Зои пытается подхватить свои пожитки, но его содержимое вываливается на плитки пола.

– О, Ноа! – укоряю я. – Только посмотри, что ты наделал!

Я медленно присоединяюсь к остальным, подбирающим ее вещи. Футболки, легинсы, нижнее белье, пара книг – все упаковано не самым лучшим образом, – а потом я вижу это, торчащее из наполовину застегнутой на молнию сумочки для туалетных принадлежностей. Одному Богу известно, сколько же я видела в свое время подобных штукун! Это – тест на беременность.

Зои незаметно убирает его с глаз долой, ругая свой дурацкий старый чемодан и его не внушающую доверия застежку.

Когда я выпрямляюсь, опершись на ручку двери, меня подташнивает. Ну конечно же я ошиблась. Внимательно смотрю на Зои, но она занята шутливой болтовней с мальчиками. Няня крепко сжимает по чемодану в каждой руке и перекидывает через плечо холщовую сумку, сгибаясь под тяжестью.

«Тест на беременность?..» – проносится у меня в голове.

– Нет, в самом деле, – убеждаю я Джеймса. – Я видела его своими собственными глазами. Новый, закрытый. Вывалил-

ся из ее косметички.

– Может быть, у нее просто задержка, и она хочет убедиться, что не беременна.

Он думает, что я сошла с ума, понимаю я.

– Или, возможно, это тест ее подружки... ну да, ну да... конечно, – скептически тяну я и тут же умолкаю, заслышав шаги няни на лестнице.

Зои мчится на кухню, следом несутся взъерошенные мальчишки – все разругавшиеся и веселые.

– Там, наверху, великолепно, Клаудия. Спасибо за то, что устроили все с таким вкусом! Мы только что играли в салочки, поэтому так запыхались.

– И я победил! – вопит Ноа.

– Нет, не ты, победила Зои!

– Думаю, впредь мы будем играть в салочки в парке, – охлаждает их пыл Зои. Она показывает на кувшин с фильтром для очистки воды на столешнице, который почему-то никогда не убирается на место в холодильник. – Вы не возражаете?

Я машу ей рукой, чтобы она без лишних вопросов брала все, что нужно.

– Чувствуйте себя как дома. Если вам требуется место для активных игр, недалеко отсюда есть красивый парк, – предлагаю я.

Мальчишки знают, что футбол и езда на велосипедах в саду под запретом. Я плачу садовнику не за то, чтобы превращать

сад в поле для спортивных игр.

– Кэннон-Хилл-парк, – судорожно выдыхает Зои между жадными глотками воды. – Я изучила окрестности.

Няня споласкивает стакан и вытирает его.

– Нагрузите их так сильно, как только сможете, – вклинивается в разговор Джеймс, подходя к раковине, чтобы помыть руки после того, как вынес мусор.

Думаю, несерьезное отношение Джеймса к присутствию в доме чужого человека объясняется его привычкой к жизни в тесной подводной лодке с десятком других членов команды. Он не видит ничего особенного в том, чтобы находиться под одной крышей с кем-то посторонним.

– Пойдемте, у меня мало времени, чтобы показать вам, где находится все самое необходимое, Зои, а потом мы отправимся в школу. Обычно я добиралась туда пешком, но теперь езжу на машине. – Я с трудом удерживаюсь от желания погладить мой животик. – Джеймс уйдет позже, а я отправляюсь на прием к врачу, после чего загляну на занятия йогой. Потом я поеду в офис, где и пробуду весь день. У вас все будет в порядке, как вы думаете?

И я тут же жалею о том, что задала этот вопрос.

– Конечно, – отвечает Зои, и я вижу, что она чуть не плачет от радости. – Это моя работа, и я собираюсь отнестись к ней с любовью.

Я сворачиваю коврик и засовываю его в сумку. До бере-

менности я никогда даже не задумывалась о том, чтобы заняться йогой. Она помогает мне полностью сосредоточиться, позволяя на целый час забыть обо всех неприятностях на работе. А еще йога отвлекает меня от тревожных мыслей о неизбежном появлении на свет моего ребенка. Могу ли я представить, что использую медитацию или приветствие Солнцу во время родов? Нет, если честно, конечно нет. Я знаю, каково это – рожать, хотя на сей раз все будет по-другому. Но пока йога помогает мне успокоить сознание и дает возможность подумать о чем-то ином, кроме чрезвычайно серьезного случая на работе и того факта, что я доверила заботы о своих маленьких мальчиках, по сути, незнакомке.

– Да брось ты волноваться, – говорит Пип. – Ты все сделала так, как надо, и проверила рекомендации ее нанимателей, не так ли?

– Я лично переговорила с ее последней работодательницей. Та только и делала, что рассыпалась в похвалах Зои. Даже сказала, что почти ревнует Зою ко мне, ведь они стали по-настоящему близкими подругами.

– Ну что ж, пойдем.

Мы с Пип ковыляем к двери, где ждем остальных. Это стало чем-то вроде ритуала после занятий – обедаемся морковным кексом с капучино в кафе, расположенном чуть дальше по улице. Даже несмотря на то, что я сильно загружена по работе, позволяю себе задержаться еще на полчаса и почувствовать себя настоящей матерью.

– Мне нужно привести к тебе Лилли поиграть после школы и вывести всю подноготную этой няни, – продолжает Пип. – Я могу стать твоей шпионкой.

– К тому же ты будешь видеть ее в школе по утрам. Не могу подобрать слов, чтобы передать тебе, как я рада тому, что она будет подвозить мальчиков. Теперь я могу добираться до офиса к восьми.

Пип хмурится. Подруга ушла в декрет месяц назад и продолжает настаивать, что мне тоже следует оставить работу. Разумеется, я собираюсь последовать ее примеру, просто пока не готова это сделать.

– И что она будет делать целыми днями, пока не родится ребенок?

– Я оставила ей список. Всегда найдется, что сделать по хозяйству, если она умеет шить, а еще требуется делать покупки, мыть мальчиков и гладить белье. Все должно быть достаточно тихо до «дня X», но потом ей придется сбиться с ног. Я рада, что у нее есть немного времени, чтобы обжиться. – Я держусь за свой живот, как, пожалуй, делает это каждая беременная женщина, когда речь заходит о ее ребенке.

– Вы уже выбрали имя?

Мы вчетвером неспешно бредем по улице к кафе «Варево ха-ха», каждая из нас – на разном сроке беременности. Нам с Пип достается первый приз в этом соревновании. Мы с ней примерно на одном сроке, плюс-минус неделя-две, и обе ждем девочек.

– Сейчас мы подумываем об Элси или Эден. Перебираем имена на букву Э.

Мы смеемся. Сегодня холодно, и я кутаюсь в свое пальто с капюшоном. Обычно я жалуясь, что мне слишком жарко.

– Какие прелестные имена! – восхищается Пип, открывая и придерживая для меня дверь. Из кафе доносится аромат кофе.

– Итак, что же нового мы узнали на сегодняшнем занятии? – спрашиваю я нашу маленькую группу, как только все мы рассаживаемся с внушительными порциями кексов и количеством кофеина, достаточным для того, чтобы спровоцировать всеобщие схватки.

– Эти техники меня смущают, – признается Бисма. – Даже не представляю, как сконцентрироваться на дыхании, при этом выталкивая из себя ребенка, всасывая газ и воздух, да еще и вырывая свою руку у мужа!

– И не забудь, что одновременно придется вопить, чтобы сделали эпидуральную анестезию, – вставляет Фэй.

Она, похоже, боится родов больше всех нас. Фэй совсем юная. У меня по крайней мере в запасе хоть немного жизненного опыта. К тому же она собирается стать матерью-одиночкой. Я всей душой сочувствую ей, поэтому и пригласила как-то с собой на наши посиделки за кофе. До этого момента Фэй, кажется, не знала никого из группы. Я с радостью подружилась с ней.

– Как страшно думать, что не позднее чем через пять ме-

сяцев у нас всех будут детки, – замечаю я.

– Клаудия, я думаю, ты разродишься первой, – говорит Пип. – До родов тебе осталось меньше, чем любой из нас. По сравнению с прошлой неделей у тебя, несомненно, опустился живот.

Надеюсь, это хороший признак. Я смотрю на красивый животик Пипы. Она явно не сильно от меня отстанет.

– Надеюсь, мы все сможем по-прежнему дружить и после того, как родятся наши дети, – произносит Бисма. – Мне бы хотелось поддерживать отношения.

Она берет кусочек кекса, и ее длинные ногти вонзаются в его сочную мякоть. Теперь пальцы Бисмы того же самого карамельного цвета, что и глазурь.

Мне кажется, что из всех женщин, посещающих занятия для беременных, я, скорее всего, буду и дальше общаться с Пип. Она – учительница, и так уж совпало, что ее муж тоже много времени проводит вдали от дома. Хотя, конечно, не так много, как Джеймс. Мы приглашали Пип с мужем на ужин еще в самом начале моей беременности, вскоре после того, как я познакомилась с ней в предродовой группе йоги. Мы провели замечательный вечер, но общение между парами, как правило, вещь ненадежная. Последовало ответное приглашение, и мне пришлось объяснять, что Джеймс сейчас – глубоко под Атлантикой и не выкроит свободного вечера для ужина еще пару месяцев.

– А ты уже знаешь, будет ли с тобой муж? – спрашивает

меня Бисма. – Во время родов?

– Точно знаю, что его не будет, – отвечаю я. – Забеременеть было достаточно сложно, поэтому мы даже не заботились о том, чтобы планировать даты и пытаться подгадывать так, чтобы он был в увольнении во время рождения дочки.

– Это тяжело, – расстраивается за меня Бисма.

«Да, тяжело», – думаю я, с жадностью вгрызаясь в свой кекс.

Коллеги рады видеть меня в офисе и все же не скрывают легкого разочарования.

– А мы думали, ты уже пошла и родила, – бросает Марк. Проходя мимо моего стола, он кладет на него папку-файл. – А между тем, пока мы все ждем этого от тебя, Кристина пошла и родила еще одного. Думаю, ей пора нанести внеплановый визит.

Я пристально смотрю на папку и размышляю, что же не так с женщиной, которая продолжает производить на свет детей только для того, чтобы избавляться от них спустя несколько дней после их рождения. За исключением первенца, Кристине Лоу не удалось удержать у себя ни одного из своих отпрысков больше чем на неделю.

– Это уже восьмой, – задумчиво произношу я, изучая папку, которую и так знаю чуть ли не наизусть. Я пытаюсь помочь им, правда пытаюсь, но Кристина никогда не изменится. Я всегда знаю, когда бессильна что-либо предпринять.

Единственное, что я могу сделать, это позаботиться о том, чтобы ее дети получили самый лучший старт в жизни, который мы только можем предложить. – Она все еще с тем самым мужчиной?

Я забыла его имя.

– Кристина подтвердила, что он – отец, но он – снова в тюрьме, – деловито сообщает Марк.

– Как ты думаешь, у нее есть шанс исправиться, если его сейчас нет рядом?

Марк несколько раз дергает бровью вверх-вниз – это его излюбленная манера, так он обычно многозначительно дает понять, что мы все идем в паб в пятницу вечером. Я понимаю, что он имеет в виду.

– Хорошо, – глубоко вздыхаю я.

Мы знаем, что ситуация безнадежная. Нас ждут телефонные звонки, требующие оформления документы, еще один ребенок, которого нужно забрать у матери. Иногда быть социальным работником – все равно что играть в Господа Бога.

В доме тихо. Остатки завтрака все еще на столе, а воздух наполняют запахи кофе, детей и любви. От всего этого мне становится дурно. Собираю посуду и нерешительно загружаю ее в посудомоечную машину. Хотелось бы знать, а это входит в мои обязанности? Клаудия говорила, что уборщица приходит как ее душе угодно, но до тех пор, пока эта домработница трудится десять часов в неделю, никого не заботит, как или когда она приводит в порядок дом. Кажется, ее зовут Джен. Интересно, поладим ли мы, не будет ли она мне мешать. Мысленно делаю себе памятку о том, чтобы поболтать с домработницей и выяснить, когда она обычно сюда приходит. Я не хочу, чтобы что-нибудь пошло не так.

– Что ж, мне пора.

Оборачиваюсь на внезапно раздавшийся рядом голос. Я и забыла, что Джеймс все еще здесь. Похоже, ему некомфортно в своем собственном доме. Клаудия уже предупредила меня, что муж – в своем кабинете, занимается запущенными бумажными делами. Когда Джеймс на минутку вышел, я просунула голову в дверь и заглянула в кабинет. В комнате я увидела стол с поверхностью из кожи и повсюду – книжные полки. Здесь полно всякой всячины на морскую тематику: картины с изображением судов, фотографии членов команды в мундирах, дипломы в рамках на стенах и белая фарфо-

ровая голова с френологической схемой на черепе. Мои губы невольно расплылись в улыбке, когда я увидела красующиеся на черепе солнечные очки. Кроме того, в комнате обнаружился сделанный из штурвала стол, по обе стороны которого стоят два кресла. Я представляю, как Джеймс и Клаудия сидят здесь, потягивают чай и обсуждают жизнь. Клаудия говорит, что муж проводит в кабинете много времени, и это может всерьез осложнить ситуацию, пока он не уедет.

– До свидания, – отзываюсь я, лихорадочно придумывая, что бы еще сказать. На ум ничего не приходит, и я просто улыбаюсь.

Джеймс немного ждет, потом кивает и уходит. Думаю, он чувствует себя так же неловко, как и я.

Откидываюсь назад, прислонившись головой к стене. Пора приступать.

Днем я заблаговременно отправляюсь в школу. Знакомство с ближайшими подругами Клаудии может оказаться полезным, и поболтать по школьной детской площадке – наилучший способ их встретить. К тому же именно это и следует делать няне. Я иду пешком, хотя Клаудия разрешила мне пользоваться скрывающимся в гараже маленьким «фиатом» или машиной Джеймса, после того как он уедет. Но я предпочитаю приятную прогулку. Солнце тускло светит сквозь плавно бегущие по небу облака, а резкий холодный ветер пробирает до костей. Пока все идет так, как и должно быть.

Возможно, я изменю маршрут по дороге домой и заверну с мальчиками в парк, посмотреть на уток или покататься на карусели. Прикинуться, будто я действительно кто-то вроде няни.

Я думала, что подойду к школе первой, спрячусь за деревом и смогу, оставаясь незамеченной, наблюдать за стекающими на детскую площадку и гадать, кто есть кто. Еще нет трех, занятия в школе заканчиваются не раньше десяти минут четвертого, но во дворе уже собралось несколько стаек женщин, занятых оживленной болтовней. До меня доносятся отголоски разговора о родительском собрании и продаже рассады, что-то о мальчике по имени Хью и его противной матери. Кто-то еще высказывается о школьных обедах, а какая-то женщина стоит неподалеку одна, хлопая затянутыми в перчатки руками и притопывая ногами. «Не так и холодно», – думаю я и понимаю, что женщина делает это от стеснения, просто потому, что ей не с кем поговорить.

Вижу, что женщина направляется ко мне, и притворяюсь, будто читаю ламинированные объявления на доске.

– Дайте-ка догадаться, – произносит незнакомка с едва уловимым шотландским акцентом. – Вы, должно быть, Зои.

Оборачиваюсь и заставляю себя улыбнуться. Быстро пробегаю глазами по ее фигуре – не могу удержаться от этого – и тут же меняю рефлексивное выражение приветливости на улыбку пошире.

– Да, так и есть, это я. Молва распространяется быстро.

– Я – Пип, – представляется женщина. – Хорошая подруга вашей нанимательницы.

Она протягивает руку. Я жму ее ладонь. Пальцы у Пип просто ледяные.

– Вы... – Наверное, бестактно упоминать об этом? Но я ничего не могу с собой поделать. – Вы тоже беременны.

– Должно быть, это что-то в здешней воде, – заливисто смеется она. – Нас сейчас – целая компания!

Вода. Мне приходится сдерживаться, чтобы не хватить себя по лбу и не сказать: «О, все так просто? Выпейте несколько больших глотков из-под крана в Бирмингеме, и вы залетите в два счета. И почему, черт побери, я не подумала об этом?»

Но я не собираюсь так себя вести. Я смеюсь над ее шуткой и отчаянно пытаюсь придумать, что бы дельного сказать.

– Сколько детей у вас учится в этой школе?

– Только одна. Лилли. Она в одном классе с Оскаром и Ноа. Они часто играют вместе, так что, если вы не возражаете против небольшого погрома после уроков, мы как-нибудь заглянем в гости.

– Хорошая идея, – отвечаю я.

Детская площадка со странной формы конструкцией для лазанья и пористым гудронированным покрытием, не облицованной кирпичами областью с недавно посаженными деревьями и колокольчиками, свисающими с их тонких ветвей, несколькими большими горшками с высохшими розма-

рином и лавандой (любопытно, что на них стоят метки «Сад чувств») заполняется матерями. Одни приходят с колясками, которые небрежно качают во время своей болтовни, другие – поодиночке. Присутствует лишь один папаша в компании женщин, которые кучкуются вокруг него, словно он – премированный бык.

– Думаю, мальчикам понравилось бы это. Я хочу, чтобы для них все по возможности было бы как обычно.

«Они ведь ни в чем не виноваты», – добавляю я про себя.

– Она сказала, что вы весьма квалифицированы, – замечает Пип.

Ее ладонь доброжелательно ложится на мою руку. Я мягко отстраняюсь.

– Я лишь хочу помочь всем, чем могу. Это – моя работа.

– Откуда вы? – интересуется Пип.

«Ну, пошло-поехало!» – мелькает у меня в голове.

– Я родом из Кента. Когда мои родители развелись, я осталась жить с матерью у черта на куличках, в Уэльсе. Далеко не все дети из моей школы поступили в университет, включая меня, но я с ранних лет знала, кем хочу быть. Я всегда любила детей. Так что поступила в колледж, где изучала основы ухода за детьми, и это подарило мне несколько удивительных мест работы. Недавно я была в Италии, где проходила курс Монтессори. Это был блестящий опыт. – Внутри у меня все сжимается. Мой рассказ звучит чересчур отрепетированно.

– Ничего себе! – звенит восторженный голосок Пип. – Од-

на из моих подруг просто без ума от метода Монтессори! У нее подрастают три малыша. Мне стоит вас познакомить.

«Пожалуйста, только не это!» – мысленно молю я. Потом снова широко улыбаюсь. Эта улыбка запрограммирована точно так же, как и моя история, и останется на моих губах, пока я не уйду.

Наконец-то звенит звонок, и, словно стая хорошо выдрессированных собак, все томящиеся в ожидании матери и отцы – а теперь вокруг папаши собрались еще несколько мужчин – дружно поворачиваются к школьной двери. Дети вереницей выходят на улицу вслед за утомленной учительницей. Она выстраивает учеников в ряд и друг за другом отпускает их к своим мамулям. Этим маленьким ножкам явно не терпится затопать в направлении родного дома. Оскара и Ноа нигде не видно.

– А это действительно нулевой класс? – спрашиваю я у Пип.

– Да, – отвечает она, не отрывая глаз от маленькой белокурой девочки в конце ряда.

Они машут друг другу. Нетрудно предположить, что это и есть Лилли. С этими торчащими в разные стороны косичками и милым курносым носиком, начищенными до блеска туфлями и розовой коробкой для завтрака она, несомненно, ангел класса.

– Не вижу близнецов, – недоумеваю я.

– Правда? Их нигде нет, вы правы. – Пип снова пробегает

взглядом вверх-вниз по ряду, проверяя, не пропустила ли я их.

Не думаю, что можно ошибиться и не заметить двух живчиков в этом послушном строю.

– Пойду, поговорю с учительницей, – решаю я. И тут же сердце тревожно подскакивает в груди. Неужели теперь я виновата в том, что они сбежали из школы или были похищены в мой первый рабочий день? Оказаться уволенной так рано – это никуда не годится. Решительно никуда.

– Здравствуйте, миссис Калвер, – обращаюсь я к учительнице. – Я жду мальчиков. Близнецов. Оскара и Ноа.

Судя по выражению ее лица, она смутно помнит меня с утреннего знакомства, хотя ее уставший, измотанный детьми мозг, вероятно, вопит о том, что с того момента, как мы обменялись рукопожатиями в ярко украшенном классе, минула тысяча лет.

Миссис Калвер внимательно просматривает шеренгу детей.

– Я же их всех пересчитала! – удивляется она. – Лилли, ты знаешь, куда подевались близнецы?

Учительница поворачивается ко мне, не обращая внимания на то, что говорит Лилли.

– Возможно, они делают водяные бомбочки в туалете для мальчиков.

– Мне кажется, Лилли знает... – Я смотрю на маленькую девочку. Она пытается что-то сказать.

– Выкладывай, Лилли! – рывкает миссис Калвер.

Девочка показывает в сторону одноэтажной школьной пристройки. Я подмигиваю Лилли и с озорством улыбаюсь. Это подарит мне ее симпатию, когда мы наконец-то как следует познакомимся. Я отправляюсь в школу, оставляя миссис Калвер один за другим вручать детей их родителям.

Внутри темно и прохладно, здесь пахнет порошковой краской, школьными обедами и пуканьем. Я бреду по коридору, и от деревянных полов доносится будящий воспоминания аромат. Сквозь стекла в дверях класса я вижу детей постарше, которые все еще собирают свои вещи. Совсем скоро учащиеся потоком хлынут наружу. В конце коридора нахожу дверь с табличкой, гласящей: «Группа продленного дня». Туда только что вошли несколько детей.

– О, мальчики, вы напугали меня до полусмерти, – произношу я, заглядывая в класс.

Учитель, мужчина лет пятидесяти, поднимает взгляд от тетрадок, сваленных у него на столе.

– Я могу вам помочь?

– Я пришла, чтобы забрать Оскара и Ноа. Я – их новая няня. Пойдемте-ка, парни! – зову я. Мне нужно как можно быстрее выместись отсюда. Тут душно, давно не проветривалось, а весь кислород поглотили три сотни прожорливых детей.

Учитель снимает очки.

– Первый раз об этом слышу. Мальчики всегда ходят на

продленку. Мать забирает их в шесть.

– Нет, теперь не забирает, – слишком грубо бросаю я, чем моментально настраиваю его против себя. – Послушайте, я – Зои Харпер. Клаудия Морган-Браун представила меня миссис Калвер этим утром, поставив в известность об изменившейся ситуации.

– Требуется заявление установленного образца, – сообщает учитель, помощи у которого явно не допросишься. – Вам нужно зайти к секретарше.

– И где она?

– Ушла домой, – отвечает он. – Но заявление должно быть подписано кем-нибудь из родителей, так что вы все равно не сможете забрать мальчиков сегодня. Без заявления не получится.

– О, бога ради...

«Сохраняй спокойствие», – мысленно приказываю я себе.

– Оскар, Ноа, пожалуйста, не могли бы вы сказать вашему учителю, кто я?

Но мальчики лишь внимательно смотрят на меня. Они уже успели разорвать коробку пластилина и рассыпать его по полу. Можно подумать, этот зануда учитель не желает избавиться от них!

– Ну пожалуйста, – молю я. – Вы не понимаете... Если я не смогу забрать мальчиков, мой первый рабочий день будет выглядеть... м-м-м... не слишком удачным.

Мои руки бессильно свисают по бокам. На самом деле они

чешутся ударить старого дурня.

– Мне очень жаль, – упорствует он. – Это не моя проблема. А теперь я должен попросить вас удалиться.

В приступе безрассудства я кидаюсь к мальчикам и хватаю их за руки. Ташу детей, и они, не говоря ни слова, покорно следуют за мной. «Молодцы, парни!» – мысленно хвалю я их за то, что они не поднимают лишнего шума во время нашего бегства. Увы, за моей спиной уже вовсю голосит учитель:

– Остановитесь! Воровка! Похищение!

Я слышу, как он спотыкается о стулья, пускаясь в погоню за нами, но в его возрасте догнать нас просто невозможно. Пока учитель оглушительно зовет своего помощника и звонит, вызывая подмогу, я благополучно смываюсь с Ноа и Оскаром.

Вскоре мы уже направляемся к парку, и мне приходится напомнить себе, что похищать чужих детей не принято.

Разумеется, позже мы смеемся над этим, и Клаудия – полностью на моей стороне.

– Бестолковая секретарша! Я написала ей письмо. Отправила по электронной почте. Попросила довести до сведения коллектива. Даже переговорила с миссис Калвер до того, как вы приступили к работе. Утром вы познакомились с учительницей. Господи! – Клаудия только что вернулась домой с работы. Бросила ключи, сумку и туфли в прихожей. – Кто-нибудь мог решить, что вы похитили детей.

Я и похитила.

– Именно это сказал какой-то противный старик, когда я демонстративно вышла оттуда с детьми, – иронично улыбаюсь в ответ.

– Они тут же позвонили мне. Думаю, нам не стоит обвинять их в том, что они выполняют свою работу.

И Клаудия смеется – запрокинув голову, заливается прекрасным смехом, обнажая белые зубы. У нее очень красивая шея.

Позже, когда мальчики помылись, послушали книжку на ночь и легли в свои кровати, измотанные и счастливые, со свежим мятным дыханием, я прихожу в свою спальню и включаю ноутбук. Спешно печатаю электронное письмо и кликаю, чтобы отправить.

Потом принимаюсь распаковывать оставшиеся вещи. Футболки и топы кладу в один ящик, нижнее белье – в другой, все убираю довольно неряшливо. Размышляю о тягостной задаче снова собирать все это каждый пятничный вечер. Просто смешно. Клаудия хочет, чтобы я уходила на уик-энды, – могу понять, что им хочется побыть в семейном кругу, – но, если честно, не могу позволить себе это. Она вот-вот родит.

Я хватаю свой ноутбук и делаю кое-какие заметки. Когда пишу «дата родов», палец ударяет не по той клавише, и выходит «дата смерти» – die date вместо due date. Грызу сло-

манный ноготь. В конце концов, с компьютером, все еще лежащим у меня на коленях, я засыпаю прямо в одежде.

* * *

Просыпаюсь позже с затекшей шеей. Часы у кровати мерцают, показывая два двадцать ночи. Я разгибаюсь, вытягиваюсь и быстро сбрасываю с себя одежду. Полностью обнаженная, я внимательно смотрю на свое тело в зеркале во весь рост. Что и говорить, кожа да кости. Мои тощие бедра вваливаются, а моему плоскому, почти впалому животу наверняка позавидовали бы многие женщины. Я не могу даже на мгновение представить себя беременной.

Расс Гудол оказался худым нервным человеком. Если бы он был собакой, подумала Лоррейн, то только борзой. Даже просто находясь с ним в одной комнате, инспектор Фишер нервничала, а это случалось с ней крайне редко. За эти годы – в особенности недавние – она научилась излучать спокойствие и безмятежность, нарушить которые не мог даже Адам. Ни его подъемы в несусветную рань и десятиминутные пробежки, ни то, как он подсчитывал точное количество чернослива и взвешивал мюсли на завтрак, ни его навязчивая идея пить ровно восемь бутылок минеральной воды в день, точно так же, как и обычные тридцать минут медитации (он славился тем, что занимался этим даже на месте преступления), не могли пошатнуть ее крепкий, основательный центр тяжести. Рассу Гудолу, несмотря на его тщедушную фигуру и тонкие ярко-рыжие волосы, удалось поколебать ее спокойствие своей неустойчивой аурой.

– Вы ведь отправляли ей открытку с пожеланием удачи, – твердо стояла на своем Лоррейн. Имя Расс не такое и редкое, но достаточно необычное для того, чтобы Салли-Энн знала двух его обладателей.

– Я уже сказал вам, что не знаю никакой Салли-Энн.

– Вы указаны в качестве ближайшего родственника в медицинских документах, относящихся к ее беременности.

Медицинский центр «Уиллоу-Парк» подтвердил, что именно вы – тот самый Рассел Гудол, которого она записала в свою карту. Кроме того, вы – пациент отделения хирургии.

– Они не должны были раскрывать подобную информацию. Это нарушение конфиденциальности.

– Только не в том случае, когда им предъявлено соответствующее предписание суда. – Лоррейн старалась дышать так неглубоко, как только может, чтобы не упасть ненароком в обморок. В комнате нестерпимо воняло – это была тошнотворная смесь запаха тела, прогорклого жира с грязной скоророды, стоявшей на единственной конфорке газовой плиты, и сигаретного дыма. Родители Салли-Энн, должно быть, не пришли в восторг, когда она впервые привела домой этого субъекта. Впрочем, странным образом спальня, в которой обитал Расс, расположенная на верхнем этаже большого студенческого общежития (хотя Гудол заверил, что студентом не является), была невероятно аккуратной. Настолько, что ее нельзя было назвать просто «чистой».

– Не возражаете, если я открою окно? – спросила Лоррейн.

Расс пожал плечами и принялся наблюдать за упорной борьбой детектива с оконной рамой. В конечном счете капризная рама уступила решительным усилиям и скользнула вверх. Лоррейн высунулась наружу и сделала глубокий вдох, втянув в легкие свежий воздух.

– Итак, нам всем станет гораздо проще, если вы призна-

етесь, что знакомы с Салли-Энн. В таком случае вы сможете помочь, рассказав все, что мне нужно знать. – Она стала всматриваться в мусор, разбросанный по плоской крыше под окном. Неужели Гудол швырял туда всякий хлам?

– Зачем? – спросил он и закурил. Гудол сидел на кровати скованно и прямо, сжав свои тощие и с виду хрупкие ноги в коленях. Его шея и плечи тряслись, заставляя голову дрожать и раскачиваться, будто уродливый потный цветок. – Что случилось?

– Мне очень жаль. – Лоррейн отвернулась от окна. А она-то думала, что Гудол все знает. – Салли-Энн мертва.

– И тут он стал плакать. Даже рыдать. Прямо надрывался. – Лоррейн вгрызлась в булочку с сосиской, пока Адам ковырялся в покупном салате с чечевицей и фасолью с таким видом, будто тот был радиоактивным. Обычно муж готовил все сам. – Как ты можешь есть это дерьмо?

– Наверное, то же самое мне стоит спросить у тебя? – не остался в долгу Адам.

Они остановились у скамейки. Утренняя корочка льда растаяла на солнце, наконец-то выглянувшем из-за туч. Было морозно – слишком холодно для того, чтобы поглощать ланч на улице, – но они хотели побыть на свежем воздухе, на какой-нибудь нейтральной территории, чтобы спокойно обсудить дело. С момента начала расследования прошло двадцать четыре часа, а они нисколько не продвинулись в рабо-

те. Вместе с группой специалистов каждый из них несколько раз возвращался на место происшествия, расспрашивал соседей, проводил допросы. Лоррейн все еще улавливала вонь омерзительной комнаты Расса Гудола, исходившую от ворсинок ее пальто. Инспектор подумала, что по дороге домой нужно не забыть купить «Фибриз», средство для удаления запаха.

– Да, так вот, немного успокоившись, Гудол согласился нам помочь. Не сомневаюсь, никто не смог бы так искусно притвориться, изображая реакцию на новости, которые я ему сообщила. Я искренне верю, что он ничего не знал о ее смерти.

Адам вскинул брови, и пластмассовая вилка зависла на полпути к его рту.

– Притворюсь, что не слышал твоего предположения, – заметил муж и вернулся к своему салату.

– Его реакция была по-настоящему неподдельной. Гудол сказал, что был отцом ребенка Салли-Энн, и согласился предоставить образец ДНК.

– Но они не жили вместе. – Слова Адама прозвучали скорее как утверждение, а не как вопрос.

– Нет. Соседи говорят, он часто навещал Салли-Энн. – Лоррейн смахнула крошки с брюк. – По всей видимости, родители Салли-Энн были категорически против их отношений и не знали, что Гудол – отец ребенка их дочери. Поверь мне, Адам, если бы одна из наших девочек привела кого-то

вроде него домой, ты бы вышвырнул его вон.

– Ты снова слишком много додумываешь. Дождись результатов ДНК-теста прежде, чем мы приклеим на него ярлык отца. Так или иначе, мы еще не знаем, кто же был настоящей целью нападения. Мать или ребенок.

– Или оба, – подхватила Лоррейн, с аппетитом поглощая остатки ланча. – И с чего бы ему не быть отцом? Именно так Салли-Энн указала в своей медицинской карте.

– Она вычеркнула другое имя, а уже потом вписала в анкету имя Гудола.

– Салли-Энн вычеркнула его? – повторила Лоррейн. – И кто же тут строит предположения?

Адам выбросил пластмассовую коробку с салатом из супермаркета в ближайшую урну. Он не доел свой ланч.

– Как твои предродовые занятия? – интересуется Джеймс. Меня раздражает то, что он потягивает вино.

– Прекрасно. Тебе стоило пойти со мной, – отвечаю я слишком резко и тут же жалею об этом. – Прости. Да и вообще, не бери в голову. Там были лишь два будущих отца.

Большую часть моей беременности Джеймс провел в плавании, и втягивать его в подготовку к родам на столь поздней стадии явно не имело смысла. Это только лишний раз подчеркнуло бы грустный факт: если роды не начнутся в ближайшие несколько дней, он не сможет присутствовать при появлении на свет нашей дочери. Мы решили – или, скорее, я решила это сама, – что, если буду ходить на приемы к врачу и занятия в одиночку, это облегчит ситуацию во всех смыслах. Но не могу сказать, что не представляю себе эту идиллическую картину: Джеймс гладит меня по голове, пока я лежу на спине на своем коврике, с одной подушкой под поясницей и другой – под коленями, или массирует мне плечи, в то время как я практикуюсь в сложной технике дыхания.

– Я ведь ходил с тобой на первый прием. Что ты еще от меня хочешь? – бросает он с кривой улыбкой, той самой, что вздергивает одну часть его рта, добавляет морщинки вокруг его глаз и заставляет меня хихикать в ответ.

– Это было очень великодушно с твоей стороны. – Пре-

красно помню, как шествовала в кабинет врача, гордо зажав в руке пластмассовую палочку с голубой линией, подтверждавшей мое долгожданное положение, – начало нашей новой жизни. – Хотя ты ведь от этого не развалился, не так ли? Тебе точно не составило труда немного посидеть там.

Мне стоит остановиться прямо сейчас, до того, как я успею расстроиться. Я не должна допускать до сознания мысль о том, что проделала все это в одиночку. Я знала, на что шла, когда выходила замуж за Джеймса, – серьезная военно-морская служба и двое маленьких мальчиков. Мгновенно созданная семья, мгновенное изменение образа жизни.

– Попробовал бы ты сам поносить это! – Я обнимаю свой живот.

– Когда мы шли от врача, я нес твою медицинскую карту, – напоминает Джеймс, но тут же спохватывается, осознавая, что его шутки зашли слишком далеко. – Почему бы тебе сейчас, пока мальчики чем-то заняты, не показать мне, какие странные позы ты выучила сегодня на йоге?

Муж подмигивает мне, и я понимаю, на что он намекает.

– Джеймс! – громко возмущаюсь я. – Зои – наверху, и близнецы могут войти в любой момент.

– Разве от этого будет какой-то вред, если я, знаешь ли, просто наклоню тебя... – Он легонько берет меня за талию – или, скорее, за то место, где раньше была талия, – и ведет к кухонной столешнице. Джеймс наклоняет меня вперед,

так, что мне приходится упереться ладонями в деревянную поверхность. Остановившись сзади, он кладет руки мне на бедра, а потом начинает бессовестно шарить у меня под платьем. Это так приятно...

– А ну-ка, перестань, – хихикаю я и колочу Джеймса, пытаясь смахнуть с себя его руки. – Сюда в любую минуту кто-нибудь войдет.

– Я мог бы всего лишь...

Я слышу, как он расстегивает молнию.

– Всего лишь... вот так. Много времени не потребуется.

Я знаю, что в этом он прав. Целая вечность прошла с тех пор, как мы были вместе. Я поворачиваюсь и впиваюсь в его губы глубоким поцелуем. Мой живот теперь зажат между нами, и кажется странным, что он разделяет нас в столь интимный момент. Я снова отворачиваюсь и наклоняюсь вперед, заставляя живот свеситься.

– Тогда быстро, – бросаю я, молясь, чтобы все обошлось, чтобы одним глупым поступком не перечеркнулось все, чего я так хотела.

Наутро, когда я спускаюсь вниз, Зои уже хлопчет на кухне. Я опаздываю на работу. Мальчики в школьной форме подают яичницу на тостах. Рядом с ними – апельсиновый сок и связки бананов. При виде этой незатейливой сцены я ощущаю себя странно опустошенной. Как же я буду себя чувствовать по окончании декретного отпуска, когда придется

каждое утро оставлять своего ребенка няне?

– Впечатляет, – говорю я.

Зои поворачивается от раковины. Ее силуэт вырисовывается на фоне лучей утреннего солнца, струящихся сквозь окно.

– Вы только посмотрите, как холодно! – восклицаю я, замечая иней.

Повисает молчание, которое кажется мне неловким, хотя Зои явно так не считает. Она занимается своими обычными делами: моет и вытирает тарелки. Мальчики спокойно болтают, сейчас нет и намека на их обычные толкания и перебранки или отказа есть что-либо, кроме сладких цветных воздушных хлопьев. Интересно, близнецы ведут себя так, чтобы поставить меня на место, ведь, даже любя меня, они прекрасно помнят, что я – не их родная мать?

«Давай хорошо вести себя с Зои и ужасно – с ней...» – в ушах так и звучит их воображаемый шепот, и это заставляет меня содрогнуться. «Конечно же это не так», – мысленно стыжу я себя.

– Во сколько вы вернетесь домой? – спрашивает Зои, вешая кухонное полотенце на серебристую ручку плиты.

– Вы ведь знаете, для всего этого у нас есть посудомоечная машина, – с улыбкой напоминаю я.

Она пожимает плечами, а я отвечаю на ее вопрос:

– Примерно в шесть тридцать.

И мое параноидальное сознание принимается гадать, за-

чем ей нужно это знать. Не потому ли, что к этому времени ей нужно будет выпустить сидящих в запертой комнате близнецов? Или вытурить мужчину, с которым занималась сексом весь день? А может, ей хочется знать, когда прекращать рыться в моих вещах или пробуждаться после долгого дневного сна?

«О, ради всего святого, перестань!» – мысленно приказываю я себе. Похоже, этим утром у меня гуляют гормоны.

– После того как подброшу Оскара и Ноа до школы, я собираюсь зайти в магазин натуральных продуктов и купить немного овощей, чтобы приготовить какой-нибудь суп, – говорит мне Зои. – Вам с Джеймсом хотелось бы чего-то подобного на ужин?

– Благодарю вас, – отвечаю я, предполагая, что суп будет подан с домашним хлебом. – Звучит очень аппетитно, но я не уверена, что мальчики захотят...

Я бросаю взгляд на близнецов. Они с аппетитом доедают свой завтрак, не оставляя на тарелках ни кусочка.

– Что ж, по крайней мере мы можем попытаться, не так ли? – стараюсь весело произнести я. Готова биться об заклад: Оскар и Ноа будут с ума сходить по приготовленному Зои супу. И прежде чем я пойму это, она научит детей выращивать свои собственные овощи и делать такой суп самостоятельно.

Дорога до работы дает мне время подумать. Засев в пробке, я чувствую, как в голове настойчиво стучат эгоистичные

мысли. Именно этого я и хотела, не так ли? Идеальной семейной жизни. Разве я не живу в своей детской мечте? У меня есть муж, который меня любит, двое сыновей, принявших меня, как свою мать, у меня удачно сложилась карьера, а скоро появится собственная маленькая дочка. Мой дом словно сошел со страниц журнала «Красивые дома», и у меня даже есть няня, которая после первого же дня работы оказалась поистине бесценной. Она, несомненно, станет для меня серьезной поддержкой, если жизнь и дальше будет течь так, как эти последние несколько лет.

Кто бы мог подумать, когда я отправилась навестить двух бедных оставшихся без матери мальчиков, что в конечном итоге я выйду замуж за их отца? Ничего не могу с собой поделать, верю в то, что все было предопределено, словно кто-то заранее написал сценарий моей жизни.

Зайдя в офис, обнаруживаю там одного Марка, хотя сама немного опоздала. Я – начальник отдела, руковожу пятью штатными сотрудниками, а заодно и тесно взаимодействую с временными работниками, а также с сотрудниками отделов социального развития и социальной защиты. Стоит мне войти в здание, как все сомнения в собственных силах и жалость к себе улечиваются под стремительным потоком валящихся на меня неотложных дел. Обстоятельно изложенные в папках, стопками громоздящихся на рабочем столе, они касаются детей из группы риска. Интересно, на что пошли бы эти дети ради того, чтобы стать частью моей жизни,

моими детьми, моими самыми любимыми. Я неустанно думаю об этом. Вешая свое пальто, я выбрасываю из головы все угрызения совести. Это просто невозможно. Я не могу взять к себе их всех.

– Доброе утро, – бросает Марк, не поднимая глаз от компьютера.

В офисе – свободная планировка, здесь нет внутренних перегородок, но у каждого из нас имеется своя собственная территория. При этом кабинетов как таковых тоже нет: мне кажется, очень важно видеть лица своих коллег, когда мы препираемся или подтруниваем друг над другом по поводу дел, телевизионных реалити-шоу и выбора места отпуска. Все трепещет внутри, стоит мне представить наше следующее семейное путешествие. Летом моей маленькой девочке будет примерно восемь месяцев.

– Доброе утро, – довольно хмуро приветствую я. – Где Тина?

– Ее приходящая няня заболела. Тине пришлось заехать домой к своей матери, так что она немного опоздает. – В голосе Марка не слышится ни нотки сочувствия. У него нет детей и, вероятно, в ближайшее время создания семьи не предвидится. Он холост столько, сколько я его знаю.

– Как же меня это бесит! Сегодня утром Тина собиралась пойти со мной домой к Лоу.

– Тогда тебе придется снова терпеть меня. – Марк выпивает до дна свою кружку кофе. Он пьет около десяти таких

кружек в день. – Ты не можешь идти туда одна. Только не в твоём положении.

Теперь, когда Кристина Лоу вернулась домой из больницы со своим ребенком, мы должны посещать ее каждый день. В прошлом она нередко набрасывалась на нас, давая волю гневу.

Я познакомилась с Кристиной Лоу вскоре после того, как она родила второго ребенка. В течение недели после ее родов мы подготовили документы, чтобы забрать у нее обоих детей. Маленького мальчика, насколько я помню, и двухлетнюю девочку. Ее сын был милым ребенком с копной темных волос и фиолетовыми рубцами поперек ног. Его сестра была изукрашена подобным же образом. Это было примерно тринадцать лет назад. С тех пор Кристина производила на свет по ребенку каждые пару лет, и мы забирали у нее абсолютно всех.

– Ты в курсе этой ужасной истории, о которой только и твердят в новостях? – интересуется Марк. Я вижу, как он с усилием глотает, явно задаваясь вопросом, не переступил ли грань дозволенного. – Про ту несчастную беременную женщину?

– Про какую еще беременную женщину? – отзываюсь я, намеренно вызывая у Марка чувство неловкости. Я легонько улыбаюсь, давая ему понять, что шучу и конечно же слышала об этом.

– Это просто ужасно. Как у кого-то рука поднялась...

– Марк запинаяется, не зная, стоит ли заходить так далеко. Неужели он думает, что я расстроюсь или сорвусь на истерику, если мы станем говорить об этом?

– Ты о той истории с убийством беременной женщины? – Диана, наострив уши, заходит к нам с кухни, неся поднос с кружками кофе. – Я не могла в это поверить! И представляете, что выяснилось? Моя мама хорошо знает мать погибшей женщины. Много лет назад они вместе учились в школе и теперь поддерживают связь. Когда фотографию убитой показывали по телевизору, на заднем плане появилась ее мама, и моя мама узнала ее. А когда назвали фамилию, сомнений уже не осталось. Фрайт не так и распространена, верно?

Диана передает нам кружки, на моей написано: «Дайте мне соленый огурчик, СЕЙЧАС!» Никто из нас на самом деле не знает, что сказать об убийстве. Работая в этом отделе, мы и так видим достаточно трагедий, чтобы добавлять к ним еще одну.

– Вы не должны молчать об этом ради меня, – уверяю я коллег. – Слышать это для меня не более ужасно, чем для вас. Тот факт, что я беременна, не означает, что в моем обществе нужно лакировать действительность.

Яжимаю плечами и стараюсь не думать о том, через какие муки пришлось пройти той бедной женщине перед смертью. Две жизни пропали ни за грош.

– А полиция уже арестовала кого-нибудь? – спрашивает Марк, прихлебывая кофе, и снова утыкается в свой компью-

тер.

– Я так не думаю, – отзывается Диана. Она убирает за ухо прядь волос, хрустит печеньем и поворачивается к своему столу. – Позже моя мама собирается заехать к матери погибшей. Посмотреть, чем может помочь.

И Диана принимается стучать по клавиатуре.

Раздается первый на сегодня телефонный звонок. Местный врач беспокоится о юной пациентке. Речь идет о девочке-подростке, переживающей кризис, и мне предстоит разобраться с ее состоянием.

Кристина Лоу не сильно изменилась за эти годы. Несмотря на постоянные беременности, множество одержимых злоупотреблениями партнеров, потерю всех детей, отобранных органами опеки, и пристрастие к дурманящим средствам, которое впечатлило бы даже самых тяжелых наркоманов, сейчас это тихая, почти благовоспитанная женщина, покоровшаяся своей тяжелой доле.

– Войдите, – бросает Кристина.

Когда она говорит, между ее губами покачивается сигарета. В доме беспечной мамы пахнет не настолько плохо, как обычно, да и выглядит жилище так, словно она даже попыталась здесь убратся. Две немецкие овчарки развалились перед газовой плитой. Около них на полу в основательно потрепанной переносной детской кроватке лежит младенец. Кристина уже не поднимает шума по поводу на-

шего прихода.

– Кто у нас тут? – спрашиваю я.

– Натан, – безропотно отвечает Кристина. – Есть ли хоть малейший шанс, что его бабушка успеет увидеть ребенка перед тем, как вы его отберете? Она в больнице.

Одна из собак лениво пододвигается, чтобы обнюхать лицо ребенка, и Кристина отдергивает ее за ошейник. Я чувствую, что в этом жесте больше материнского по отношению к собаке, и сомневаюсь, что Кристина вмешалась бы, если бы нас здесь не было.

– Это зависит... – тянет Марк. И бросает взгляд на меня.

– От чего? – тут же хватается за его слова Кристина. Она никогда не ладила с мужчинами из отдела опеки.

– От того, сумеете ли вы придерживаться плана заботы о ребенке, который мы составили, – отвечает Марк, делая какие-то пометки.

– Сколько ваша мать пробудет в больнице? – спрашиваю я, пытаюсь разбудить ребенка. Мне не нравится то, что я вижу. Я хочу забрать малыша отсюда.

Кристина кладет руку на лоб, она явно колеблется. У нее очень бледное лицо.

– Сядьте, – предлагаю я ей.

Кристина опускается на диван, и собака кладет голову ей на колени. Если бы только все определялось отношением к собакам...

– Вы сегодня ели? – интересуюсь я.

Кристина качает головой.

– Где ваш сожитель?

Задав вопрос, я тут же вспоминаю: Марк говорил мне о том, что тот снова попал в тюрьму. Это просто чудо, что Кристине вообще удастся беременеть.

– В тюрьме, – подтверждает она.

– А Натана кормят надлежащим образом?

С момента нашего прихода малыш не издал ни звука и не пошевелился. Я знаю, что патронажная сестра будет приходить каждый день, но до тех пор, пока необходимые документы не будут подготовлены, руки у нас связаны.

– Ага, – отвечает Кристина.

Я вижу, что она напряженно размышляет, пытаюсь вспомнить. Приобретение материнских навыков дается ей с трудом. В глубине души гадаю, известно ли Кристине, что это ненормально, когда у тебя отбирают ребенка, едва он родился. Она пристально смотрит на своего сына.

– Ему нравится молоко, – сообщает Кристина таким тоном, будто совершила открытие мирового масштаба.

– И когда же он последний раз его употреблял? – любопытствую я.

Марк поглаживает ребенка по голове, пытаюсь его разбудить. Малыш начинает медленно шевелиться.

– Выключите плиту, – требую я, вдруг замечая, как душно в комнате. Здесь просто дышать нечем.

– Он поел немного ночью, – отвечает Кристина, явно до-

вольная собой.

Она слишком тощая для женщины, которая недавно произвела на свет ребенка. А вот я за время беременности набрала лишний вес.

– У вас тоже будет ребенок, – лучезарно улыбается Кристина.

Она поднимается с дивана и идет ко мне, вытянув руки. Потом кладет ладони мне на живот. Я так потрясена этим, что не могу двинуться с места.

– Это мальчик, – сияет она.

«Ошибаетесь», – думаю я, уже зная, что у меня будет девочка. Наклонившись, я шепчу Марку на ухо:

– Нужно быстрее его забрать.

Коллега кивает. Если Кристина не даст согласия, нам придется получать неотложное судебное предписание.

– Вы бы хотели отдохнуть от забот о малыше Натане? – интересуюсь я. Даже при том, что больше всего на свете я хочу забрать малютку, отвезти его домой, кормить, купать и обнимать его, все должно быть сделано, как полагается. Необходимо подписать соответствующие бумаги, и я понимаю, что Кристина может передумать в любой момент.

В конце концов она кивает мне, и я возношу про себя благодарственную молитву, после чего все мы отправляемся в офис. По дороге я звоню сотрудникам, предупреждая о нашем скором появлении. У меня уже есть на примете хороший детский дом.

– Ну что, я пошла, – бросила Лоррейн, заглянув в кабинет Адама по дороге к двери.

Муж поднял голову и рассеянно взглянул на нее.

– Чтобы допросить родителей Салли-Энн, помнишь?

Она закатила глаза. Адам безразлично махнул ей вслед. Он был чем-то очень занят.

Лоррейн решила взять с собой констебля Патрика Эйнсли, своего любимчика среди новых сотрудников, влившихся в ряды уголовной полиции. В промежутке между хлопотами врача, забежавшего, чтобы дать еще больше успокоительных матери погибшей, и визитом довольно чувствительного сотрудника полиции по связям с семьями детективам удалось заставить миссис Фрайт произнести несколько связных предложений. Интуитивно Лоррейн ощущала, что обычно женщины открывают душу не сразу, а постепенно и мучительно. И все же она рассчитывала на то, что помощь следствию окажет именно мать Салли-Энн, а не строгий, немного замкнутый отец, державший в себе переживания по поводу смерти единственной дочери.

– Просто не могу в это поверить, – снова и снова бормотала миссис Фрайт. Ее еле слышный голос дрожал. – Ущипните меня, ущипните ради Всевышнего на Небесах! Заставьте меня очнуться от этого кошмара!

Она раскачивалась на месте, сжимая пачку бумажных носовых платков.

– Я так сожалею о вашей потере, миссис Фрайт! Уму непостижимо, как кто-то мог совершить нечто подобное! Не сомневайтесь, мы делаем все, что в наших силах, чтобы найти виновного, кем бы он ни был.

«Виновного», – мрачно повторила про себя Лоррейн. У сотворившего такое нет в душе ни капли вины. Инспектор выразилась так только для того, чтобы не произносить слова «убийца».

– Не могли бы вы вспомнить, когда последний раз видели дочь? – Лоррейн приготовилась конспектировать.

Констебль Эйнсли отвечал за запись разговора на магнитофон. Они договорились работать именно так – без всяких формальностей, но предусмотрев возможность послушать важные показания Фрайтов позже. Лоррейн никогда не переставало удивлять, сколько же значимой информации можно было упустить в первый момент.

– Миссис Фрайт?

– В прошлую субботу, – сухо вставил мистер Фрайт, до сих пор хранивший молчание. – Дафна заскочила, чтобы увидеться с ней, не так ли?

Он пристально взглянул на жену. Лоррейн показалось, что этот человек все еще не оправился от шока и скорбит в душе, хотя его слова звучали бесстрастно, так, словно все произошедшее было лишь мелкой неприятностью.

Миссис Фрайт кивнула в знак согласия.

– В котором часу это было? – уточнила Лоррейн. Она наклонилась ниже в надежде, что на сей раз миссис Фрайт ответит сама.

– Утром, – тихо ответила убитая горем мать. Ее тело безудержно била дрожь.

– Поздним утром, – добавил мистер Фрайт.

– И как Салли-Энн выглядела? – Лоррейн мельком взглянула на констебля Эйнсли.

– Превосходно. Она была приятно оживлена, хотя и нервничала по поводу родов.

– Насколько мне известно, у нее было назначено кесарево сечение.

– Да.

Не было никакой надобности спрашивать, почему врачи приняли такое решение. В больнице уже подтвердили, что у Салли-Энн выявили предлежание плаценты – состояние, при котором плацента разрастается, перекрывая естественные родовые пути. Акушер принялся обстоятельно объяснять Лоррейн, почему в данном случае без кесарева сечения не обойтись, но прервался, когда инспектор сообщила, что обе ее дочери появились на свет точно так же – и по той же самой причине. «Не повезло», – только и сказал врач, и Лоррейн оставалось лишь согласиться с ним.

– Значит, было крайне важно, чтобы Салли-Энн не начала рожать сама, естественным путем, – высказала мысль Лор-

рейн.

Миссис Фрайт кивнула. И Лоррейн вспомнила, как много лет назад ее предупреждал акушер: если она станет рожать сама, начнется опасное для жизни внутреннее кровотечение, а ребенок лишится кислорода, как только плацента отслоится. Это точно не принесет пользы ни матери, ни малышу, и лучшим вариантом в такой ситуации станут заранее спланированные роды хирургическим путем. Оставалось только правильно выбрать дату операции.

– Какой ужас... – выдавила из себя миссис Фрайт. – То, что она все равно умерла.

Бедная женщина перехватила взгляд мужа, словно знала, что за этим последует. Ее глаза наполнились слезами.

– Бог захотел забрать к себе ее и ее внебрачного ребенка – так или иначе, – заметил мистер Фрайт и перекрестился.

– Я понимаю, в вас говорит горе, мистер Фрайт, – промолвила Лоррейн, пытаясь хоть немного развеять гнетущее чувство, схватившее всех присутствующих за горло.

– Нет, вовсе нет, – жалобно произнесла миссис Фрайт. – Ему была ненавистна сама мысль о том, что у Салли-Энн будет ребенок.

– Почему же? – Именно по этой причине Лоррейн и решила записать показания на пленку.

– Она не была замужем, – прошептала миссис Фрайт так, словно даже произносить эти слова было грехом.

– А мой внук не должен был родиться вне брака. Хватило

и того потрясения, что его отцом оказался Рассел Гудол. – Лицо мистера Фрайта налилось краской ненависти и гнева. Иссиня-черные вены, шевелившиеся под кожей его щек и пористого носа, свидетельствовали о самом что ни на есть нечестивом образе жизни.

– Вы уверены в том, что Рассел Гудол был биологическим отцом ребенка?

Тест ДНК должен был в самое ближайшее время ответить на этот вопрос, но Лоррейн хотела узнать мнение родителей убитой.

– Салли-Энн сказала нам, что он – отец, – то ли вздохнул, то ли тихо прорычал мистер Фрайт.

– Нет, Салли-Энн не была уверена, Билл, – поправила миссис Фрайт. – Она была... популярной девочкой.

– Потаскушкой, ты имеешь в виду.

– Продолжайте, – сказала Лоррейн миссис Фрайт.

– У нее было два бойфренда. Она никак не могла решить, кого же из них выбрать. Когда Лиам узнал о ребенке, он больше не захотел иметь с ней ничего общего. Сказал, что ребенок не может быть от него, – кротко пояснила миссис Фрайт.

– Чертова шлюха – вот кем она была!

– Билл! – одернула миссис Фрайт так громко, как только могла. – Наша дочь не была... не была такой.

– А как фамилия Лиамы, миссис Фрайт?

– Райдер. Лиам Райдер.

– И кстати, женатый, со своей собственной семьей. – Ла-

дони мистера Фрайта сжались в крепкие кулаки. Он втянул воздух ртом так, словно в комнате не осталось кислорода. – Немудрено, что грязного ублюдка и след простыл, когда Салли-Энн забеременела!

– Значит, вы не можете точно сказать, кто был настоящим отцом ребенка? – уточнила Лоррейн. И подумала, что гораздо важнее было то, кто из двоих мужчин считал себя отцом.

– Салли-Энн пыталась справиться с этим потрясением. Когда Лиам не захотел иметь с ней ничего общего, она постаралась забыть его, – объяснила миссис Фрайт. – Она хотела вычеркнуть его из своей жизни, но это было непросто. Она любила его.

«Причем вычеркнуть в буквальном смысле», – подумала Лоррейн, вспомнив вымаранное имя в медицинской карте.

– Рассел оказался на высоте, пришел на выручку. Он – отзывчивый парень, – продолжила мать.

– Он – неудачник, вот что, – снова вмешался мистер Фрайт.

– Где Салли-Энн познакомилась с Лиамом Райдером? – поинтересовалась Лоррейн. – Кого она встретила раньше?

– Расса она знала с начальной школы. А с Лиамом познакомилась позже, когда записалась на тот курс в колледже. Он учил ее бухгалтерскому учету. Все изменилось, когда она встретила Лиаму.

– Скорее учил ее распутству! – рявкнул мистер Фрайт. Его лицо, казалось, раздулось от негодования и приобрело тем-

ный свекольный оттенок, а потом бедняга разразился резкими, отрывистыми рыданиями. Закрыв лицо ладонями, он бессильно уронил голову. На его макушке разметались пряди седых сальных волос.

Лоррейн взглянула на Патрика. Они помолчали, дав убитому горем отцу немного времени.

– Не держи в себе это, дорогой, – попыталась утешить миссис Фрайт, но он сбросил ее руку со своей спины. Мистер Фрайт явно не собирался делиться переживаниями с другими.

– Еще один вопрос, – вздохнула Лоррейн, но осеклась. Ей хотелось спросить, почему Салли-Энн указала Расса Гудола в анкете медицинской карты в качестве ближайшего родственника, не вписав в эту графу кого-либо из родителей. Но потом поочередно смерила взглядом Фрайта и его жену, и в голове мелькнуло нечто вроде догадки.

Лиам Райдера дома не оказалось. Дверь открыла озадаченная женщина лет тридцати пяти, за спиной которой, из глубины прихожей, выглядывала парочка детей. Это был славный многоквартирный особнячок 1950-х годов с ухоженным палисадником и горшком анютиных глазок у входной двери. Аромат готовящейся еды – печеной или жареной картошки – струился изнутри, пока женщина во все глаза смотрела на удостоверение инспектора полиции. От голода у Лоррейн заурчало в животе.

– Все в порядке? – спросила женщина, немного бледнея. – С Лиамом все хорошо?

Она схватилась за дверной косяк, и Лоррейн поспешила заверить, что все в порядке, никаких несчастных случаев не произошло. Инспектор не смогла заставить себя сказать, что все живы.

– Мне хотелось бы поговорить с мистером Райдером, – объяснила Лоррейн. – Вы знаете, где я могу его найти?

– В колледже, полагаю, – ответила хозяйка дома, и ее глаза вспыхнули из-под аккуратной белокурой челки.

Эта женщина не была похожа на супругу, которой изменяют. Впрочем, Лоррейн не причисляла к категории обманутых жен и себя до тех пор, пока Адам в приступе пьяных угрызений совести не решил поведать ей о своей короткой – ну такой короткой! – интрижке на стороне. Лоррейн прогнала от себя эти мысли. Сейчас было не самое подходящее для них время.

– Кампус на Крейвен-Роуд? – спросила Лоррейн.

Женщина кивнула. Это было то самое место, где ее муж работал и гулял налево, о чем она наверняка понятия не имела. «У нас есть кое-что общее, у вас и у меня», – так и порывалась сказать Лоррейн, но сдержалась.

«Короткая... ничего не значащая... уже в прошлом...» Помнится, Адам все говорил и говорил, что был дураком, что напился, что во всем виноват переживаемый им кризис, что та, другая, преследовала его и в произошедшем нет его

вины. Лоррейн спрашивала себя, какой совет могла бы дать этой молодой женщине. Уйти от мужа, пока может? Сделать в отместку то же самое? Обобрать его до нитки? Но при том, что дом выглядел довольно мило, не вызывало сомнений: Лиам Райдер – явно не из богачей, которых можно ободрать как липку. Не относился к таковым и Адам, хотя это обстоятельство не мешало Лоррейн мечтать о возмездии.

– Если он придет домой раньше, чем я поговорю с ним, не могли бы вы попросить его позвонить мне? – Лоррейн протянула женщине визитку. – Это срочно.

– Он ведь ничего не совершил, не так ли? – Жена Райдера замахала приблизившимся к двери детям, отгоняя их.

– Нет. Он нужен лишь для того, чтобы помочь навести кое-какие справки, – кратко улыбнулась Лоррейн и поспешила в колледж.

* * *

– И ты знаешь, что он мне сказал первым делом? – Лоррейн восседала на высокой табуретке на кухне. Как только дочери разбрелись по своим делам после ужина, инспектор вернулась к мыслям о работе.

Адам покачал головой.

– «Вы ведь не скажете моей жене, правда?»

Муж соорудил гримасу. Он не присутствовал при допросе.

– Ну естественно.

Он только что вернулся с пробежки и теперь обливался потом, несмотря на то что тротуары и ограды уже стали покрываться инеем. Адам вытер лицо кухонным полотенцем. Лоррейн тут же схватила полотенце и бросила его через дверной проем в кладовку.

– Это отвратительно, – продолжила Лоррейн. – Причем как в том, так и в другом отношении.

Она не смогла удержаться от этого комментария вскользь. Еще и года не прошло с той поры, как Адам признался в измене. По большей части ей удалось справиться, выбросить это из головы, вернуться к своей обычной жизни. И все-таки временами она уставала мириться с произошедшим и хотела лишь одного: сделать остаток жизни Адама как можно более невыносимым.

– А что еще должен был сказать Райдер? – Адам вгрызся в мякоть яблока. – Он согласился пройти тест ДНК?

– Райдер слышал о Салли-Энн в новостях, так что у него была пара дней, чтобы оправиться от потрясения. Тем не менее он все еще очень расстроен. Согласись, это ужасно – узнать такое. Он сказал, что Салли-Энн была перспективной студенткой, которая пыталась чего-то добиться, осваивая его курс, и все в таком духе... – Лоррейн перевела дух. Главным сейчас было не это. – И – да, он согласился без промедления сдать мазок.

Адам стащил с себя яркую спортивную кофту, бросил ее

на пол кладовки рядом с кухонным полотенцем и спросил:

– Приблизительное время смерти уже установлено?

– Я говорила с патологоанатомом. Наиболее вероятное предположение: к моменту обнаружения Салли-Энн была мертва минимум тридцать восемь часов и максимум сорок один. Райдер сказал мне, хотя я не успела и заикнуться об этом, что может подтвердить свое точное местонахождение в течение всей прошлой недели. Именно тогда он стал слезно умолять меня ничего не говорить его жене. «Это ее убьет», – кажется, так он выразился.

Лоррейн прикусила щеку. Похоже, Адама эта история ни-сколечко не смутила.

– Райдер поставил точку в отношениях с Салли-Энн пару месяцев назад, когда она начала настаивать, что ребенок – его. Она хотела от Райдера денег, а ему нечего было дать. И разумеется, он не желал, чтобы жена узнала об этой связи или о ребенке. Лично я считаю, что он серьезно рискнул, бросив ее. Райдер сказал, что, если бы все выплыло наружу, он с пеной у рта отрицал бы связь. – Лоррейн встала и прислонилась к столешнице. Сердце мучительно перевернулось в груди. – А знаешь, что он еще мне сказал? Заявил, что, если человек не пойман на месте преступления, никто не может считать его виновным. – Лоррейн вспомнила, как в тот момент ей захотелось съездить Райдеру по физиономии.

– Что ж, я буду это помнить, – угрюмо бросил Адам и зашагал вверх, чтобы принять душ.

Когда не можешь забеременеть, хуже всего то, что все в жизни вдруг оказывается связанным с детьми. Приходится сочинять великое множество историй, ведя двойную жизнь и едва успевая выдумывать одну ложь за другой. А в такой жизни хуже всего то, что истории эти становятся все глубже и глубже, все запутаннее и лживее, настолько, что в конечном счете с трудом вспоминаю, какая я на самом деле.

Но, учитывая все обстоятельства, я решаю, что на сегодняшний день быть кем-то другим не так уж и плохо, что быть самой собой в моем нынешнем затруднительном положении опасно и бесполезно. Я нахожусь здесь лишь по одной причине, и мое время скоро придет. Это ожидание само по себе – будто беременность.

– Итак... – тянет Пип, пытаясь заполнить образовавшуюся паузу.

Наш разговор себя явно исчерпал. Лилли и близнецы играют в детской. Похоже, они ладят довольно хорошо. До меня доносятся грохот, болтовня и, время от времени, вопли – что ж, по крайней мере, они не убивают друг друга. Мы с Пип сидим за кухонным столом Клаудии (обо всем в этом доме я думаю как о принадлежащем Клаудии) и обмениваемся добродушными шуточками о детях, младенцах, беременности и родах. И тут Пип ударяет меня под дых:

– Неужели вы никогда не хотели иметь собственных детей?

Это один из вопросов, не имеющих ответа. Как бы то ни было, мне не стоит вылезать из своего мыльного пузыря лжи и уловок, если я хочу сохранить работу. А то наделаю ошибок с самого начала и окажусь уволенной с позором. Нет, объяснять что-либо решительно невозможно.

Стараясь избежать ответа, я пробую засмеяться. Потом пытаюсь сделать глоток побольше из кружки с чаем. Ну а дальше окликаю детей – проверяю, что они по-прежнему мило играют. Смотрю на свои наручные часы, плююсь на настенные, но Пип сидит здесь всего десять минут. Она еще не собирается уходить. Кроме того, я не ответила на ее вопрос.

«Неужели вы никогда не хотели иметь собственных детей?»

– Я... – мнусь, бормоча что-то невнятное. Понятия не имею, что сказать. – Ну...

Заинтересованная улыбка медленно сползает с лица Пип, и теперь собеседница тоже ищет способы прервать мои дальнейшие объяснения. Язык моего тела говорит о нервном напряжении: страдальческое выражение лица, скрещенные руки, обнимающие бесконечно далекое от беременности тело, нервно трясущиеся ноги, стучащие по плиткам пола, – более очевидно донести до Пип, что я не желаю говорить на эту тему, нельзя. И все-таки сейчас мне придется это сделать.

– Все довольно сложно, – говорю я. Слоги режут мне рот,

будто бритвы.

Пип молча смотрит на меня, явно чувствуя неловкость, ругая себя на чем свет стоит и мечтая никогда не задавать этот злосчастный вопрос. Только поглядите на нее, восседающую на красивом кухонном сосновом стуле Клаудии, всю такую беременную, раздавшуюся вширь, переполненную жизнью, надеждой и любовью! Ее огромные налитые груди вздымаются под безразмерным свитером. Она наверняка связала его сама – спокойная ручная работа, которой можно заниматься в мирном ожидании ребеночка. Как мило. И до чего же не похоже на меня.

– Я просто еще не встретила подходящего человека.

Мне не нужно больше ничего объяснять. Следует остановиться прямо сейчас. Она все равно никогда не поймет. Прекратим этот разговор, Пип станет легче от того, что ее бестактность сведена на нет, и мы сможем болтать о выпечке, школе или о том, как давно она знает Клаудию. Но вместо этого, по какой-то неизвестной, но ужасающей причине, я продолжаю:

– Это не потому, что я не пыталась, смею вас заверить. Знаю, о чем вы думаете. О том, что я явно разменяла четвертый десяток, мужчины в моей жизни нет, так что лучше бы мне поторопиться, но как я смогу сделать это без партнера...

«Что я несу?...» – мелькает у меня в голове.

Впиваюсь ногтями в ладони, чтобы заставить себя замолчать. Уж кто-кто, а я-то слишком хорошо знаю, что суще-

ствуует множество способов заплучить ребенка и без парт-нера. Дело лишь в том, что ни один из этих способов до сих пор не сработал.

– Вам уже есть тридцать? – делано удивляется Пип в ни-кудышной льстивой попытке сменить тему. Ее щеки налива-ются багровым. Беременные женщины легко взвинчиваются до предела.

– Тридцать три, – отвечаю я ей. – Тридцать три, старая дева и никаких детей.

Я смеюсь, но это напоминает смех слабоумной. Так и слы-шу слова своей матери из могилы: «Ну и ну, она не замужем, у нее нет детей! А ведь я говорила...» Тут у меня вырывается еще один слабый смешок – просто чтобы немного остыть и разрядить обстановку. Мне почему-то хочется, чтобы Пип – кто угодно, хоть кто-нибудь – почувствовала мою боль, но я не должна позволять этому желанию разрушить все. Послед-нее, что мне сейчас нужно, – это чтобы Пип сказала Клаудии, что я какая-то там одержимая детьми психичка. Тогда Кла-удия вышвырнет меня в мгновение ока. Тут же вылечу отсю-да, можно не сомневаться. Я перевожу дыхание.

– Но все в порядке. Мне посчастливилось работать с детьми. – И я снова смеюсь. На сей раз мои слова звучат убе-дительнее.

– Рада это слышать, – отзывается Пип со вздохом, кото-рый явно означает облегчение.

Наконец-то этот разговор закончен – точка.

– Мамочка, Ноа сломал Барби, – жалуется Лилли, протягивая матери искореженную голую куклу.

– Ой, ну надо же! – сокрушается Пип, искоса глядя на меня, словно это почему-то моя вина. – Дай-ка посмотреть.

– Ноа, – окликаю я с наигранной надменностью, – зачем ты это сделал?

На самом деле я с трудом удерживаюсь от желания погладить его по голове и похвалить: «Молодец, отлично сработано!»

– Потому что Барби – глупая и ненастоящая, – отвечает он, эхом повторяя мои собственные мысли.

– Это нельзя считать веским доводом, позволяющим ломать чужую куклу, – объясняю я мальчику. – Что ты скажешь Лилли?

Ноа пожимает плечами. Он кусает губу, пока из той не начинается идти кровь.

– Попроси прощения, – подсказываю я ему.

– Она не сломана, – говорит Пип, отдавая Лилли починенную куклу. – Просто немного искривилась.

Дети уходят с кухни, и я наблюдаю, как глаза Ноа внимательно следят за Лилли и немного перекошенной Барби. Не сомневаюсь, он попытается довершить свое темное дело. Я понимаю, что Ноа напоминает меня: не может жить спокойно, так и тянет нарваться на неприятности.

Когда Пип наконец-то уходит, волоча за собой насупив-

шуюся Лилли и обещая устраивать такие совместные детские игры каждую неделю, я решаю приготовить мальчикам ужин. Обещала ведь домашний суп, не так ли?

Заглянув в гостиную, я вижу, что близнецы буквально приклеились к каким-то мультикам или чему-то в этом роде. Приглядевшись, понимаю, что Оскар на самом деле спит в кресле: перевалился через подлокотник, а изо рта тонкой струйкой прямо на обивку стекает слюна. Ноа бросает на меня ленивый взгляд – между нами явно установилась некая негласная связь – и опять утыкается в телевизор, не говоря ни слова.

Тихо закрываю дверь и хватаю пальто, кошелек и ключи. Вылетев на верхнюю ступеньку лестницы, прочесываю глазами улицу – слева и справа. Вокруг – ни души, никого, кто обратил бы на меня хоть какое-то внимание. Отсюда я почти могу разглядеть свою цель и, вобрав в легкие больше воздуха, бросаюсь вниз по лестнице и выбегаю через парадные ворота. Не останавливаясь, несусь к магазинчику на углу, покупаю все, что мне требуется, – ругая про себя какую-то стоящую впереди старуху, которая медленно отсчитывает мелочь по одному с трудом накопленному пенсу, – и, прежде чем осознаю это, я уже снова оказываюсь в прихожей, срывая с себя пальто. Пытаясь восстановить сбившееся дыхание, опять заглядываю в гостиную. Мальчики все так же благополучно сидят на своих местах, но тут адреналин пронзает мое тело, и перед глазами все расплывается. Метнувшаяся к

дверному косяку рука поддерживает меня, не давая упасть.

– Джеймс, – машинально приветствую я. И вымучиваю из себя улыбку, которая тут же скрывается под сковывающим лицо выражением шока.

– Зои, – отзывается Джеймс, и у меня остается меньше секунды, чтобы решить, сердится ли он, знает ли он, что я оставила его сыновей одних. – Как прошел ваш день?

– Превосходно, – отвечаю я, все еще сомневаясь и проклиная себя за то, что понятия не имею, как готовить суп.

– Вы, похоже, замерзли, – замечает Джеймс, разгибаясь и потягиваясь.

– Я только что выбросила мусор в контейнер, – объясняю я, вознося про себя благодарственную молитву за то, что действительно чуть раньше сделала эту неприятную домашнюю работу и теперь у меня хватило присутствия духа, чтобы вспомнить об этом. Набитое доверху мусорное ведро на кухне выдало бы меня с головой. Я подальше отодвигаю ногой стоящий на полу полиэтиленовый пакет из магазина, хотя мне не стоит беспокоиться: Джеймс плюхается на диван, приобнимая за плечи сыновей.

– Отлично! – неловко бросает он. Теперь, когда Оскар проснулся, Джеймсу гораздо интереснее болтать со своим сонным сыном, чем заботиться о моих делах.

– Что ж, тогда я начинаю готовить ужин, – сообщаю я и удаляюсь на кухню.

– Пахнет божественно! – восхищается Клаудия.

Она выглядит уставшей и напряженной, но пытается скрыть это под маской веселости, основательно приклеившейся к ее лицу. Не думаю, что сейчас, когда я все еще нахожусь здесь, она чувствует себя полностью в своей тарелке. Ей стоит понять, что это – вынужденная необходимость для нас обеих.

– Это – суп, – с гордостью объясняю я.

Содержимое большой кастрюли на плите «Ага» булькает на медленном огне. Перед тем как приступить к работе на кухне, быстрый поиск в Интернете научил меня пользоваться этой проклятой штукой. Очевидно ведь, что у моих прежних нанимателей такие плиты были.

– Домашний суп, разумеется.

Десять пустых консервных банок – а домашний суп готовится только в больших количествах, это я когда-то узнала от своей тети, – выпотрошенных и смятых, теперь лежат на самом дне мусорного бака. Достаточно добавить и смешать несколько свежих пряных трав, и никому не вздумается выяснять, откуда взялись ингредиенты супа. Не думают же мои работодатели, в самом деле, что я целый день чистила и резала овощи!

– Пип заходила сегодня в гости, – сообщаю я Клаудии, чтобы отвлечь ее от аромата, но она снова наклоняется к супу. Нос нависает над кастрюлей, живот прижимается к ручке плиты, пока она наслаждается аппетитным благоуханием

моей якобы домашней кухни.

– Сдается мне, тут есть какой-то тайный ингредиент, – предполагает Клаудия, на мгновение закрывая глаза.

Наши лица оказываются очень близко друг к другу. Настолько близко, что я могу чувствовать ее дыхание. Ощущать всю эту новую жизнь, бурлящую внутри ее.

– Если я расскажу вам, – с улыбкой отвечаю я, – мне придется вас убить.

Позже, когда мальчики опустошили свои тарелки и попросили добавки даже не один, а целых два раза, когда они высосали четвертинки персиков и облизали пальцы, после горячей пенистой ванны в компании дюжины динозавров и с рассказанной мною сказкой, а затем и пожелания спокойной ночи Джеймсу и Клаудии (с несколькими вопросами лично ей по поводу того, как она себя чувствует и не собирается ли в ближайшее время родить), я валюсь на свою кровать, будто мои кости рассыпались от изнеможения и печали.

На глаза наворачиваются слезы, и мне приходится прятать их в подушке. Подступает гнев, и я кусаю ее, оставляя на накрахмаленном хлопке следы зубов – символы моей безысходности.

Ну почему это должно было произойти именно сейчас?

Достаю из нижней части гардероба свою большую дорожную сумку. Расстегиваю молнию внутреннего отделения и вытаскиваю маленькую сине-белую коробочку с надписью

«Клир блю». «Точность – более 99 %» – гласит надпись под названием. Здесь два теста.

Проделав процедуру, я добиваюсь только одного: меня начинает неудержимо тянуть домой. В конечном счете я чувствую себя бесплодной и ни на что не годной внутри.

– Она курит. – Я вразвалочку расхаживаю из одного угла гостиной в другой.

– Вздор, – устало отвечает Джеймс. – У нее нет такой привычки. Разве ты не помнишь, мы спрашивали у нее об этом на собеседовании?

– Я почувствовала от нее запах. Сомнений нет.

Я на мгновение задумываюсь. Джеймс прав. Она точно говорила нам, что не курит. Я не хочу, чтобы мальчики видели, как она исподтишка закуривает у черного хода, или даже уловили исходящий от нее запах табака. И тогда, прежде чем мы узнаем об этом, они решат, что в курении нет ничего страшного, и сами начнут дымить. Нет, я хочу растить их иначе.

– Спроси у нее, если тебя это так беспокоит, – предлагает Джеймс.

– И как ты себе это представляешь? – интересуюсь я, прохаживаясь между ним и камином. – Ничего хорошего не выйдет, если она решит, что мы ей не доверяем.

– Какая же ты глупышка! – бросает Джеймс и почему-то показывает на каминную решетку, за которой нет дров и огня. В этой комнате всегда холодно, но Джеймс настаивал, чтобы мы пришли поговорить именно сюда, потому что тут дальше всего от комнат мальчиков и лестницы на верхний

этаж Зои. – Неужели ты не помнишь, как она недавно разожгла камин в другой гостиной и жаловалась, что это далось ей с трудом? Она еще сказала, что комнату заволокло дымом, и извинялась за запах. Только и всего, Клаудия. Ты почувствовала исходящий от ее одежды дым от дров.

Безусловно, Джеймсу, так же как и мне, прекрасно известна разница между этими двумя запахами. Я, может быть, и беременна, но еще не потеряла обоняние.

– Нет, ты ошибаешься. Я уловила сигаретный дым в ее дыхании.

Мы мгновенно замолкаем, когда дверь вдруг открывается, сопровождаясь тихим стуком.

– Это всего лишь я, – возникает на пороге Зои. – Простите, что помешала.

Вид у нее взволнованный.

Неужели она слышала, что мы говорили о ней?

– Входите, – приглашает Джеймс.

Мне остается только молиться, чтобы Зои не слышала моих слов.

– Ничего по-настоящему важного, – говорит она, вероятно ощущая наше смущение. – Мы можем поговорить завтра, если вы заняты.

Она нервно топчется в дверном проеме, ожидая ответа и переводя взгляд с меня на Джеймса. На ее лице написаны мольба и извинение за вторжение. У нее явно что-то на уме, и она не знает, как это сказать. Она выглядит так, будто уже

ложились спать и, возможно, так и не смогла сомкнуть глаз. Ее волосы с одной стороны слегка спутаны, а легкого макияжа глаз, заметного сегодня днем, и след простыл. На бледной коже ее щек и лба заметен неярко блеск еще не впитавшегося ночного крема, в то время как надетая задом наперед футболка и шерстяные носки красноречиво подтверждают намерение пораньше лечь спать.

«Что же снова привело ее вниз?» – спрашиваю я себя.

– Мы ничуть не заняты, – говорю я, и мне почему-то немного ее жалко. Я похлопываю по свободному месту на диване и, когда она робко усаживается, бросаю взгляд на Джеймса, еле заметно округлив глаза, что должно быть заметно лишь ему одному.

«Нет дыма без огня», – проносится в голове излюбленное выражение моей матери.

– Вас что-то беспокоит? – Меня вдруг пронзает мысль о том, что после всего двух дней работы она собирается заявить о своем увольнении. Я и представить себе не могла, что она может от нас уйти.

– Меня ничего не беспокоит, смею вас заверить. Просто...

– Наверное, мне лучше удалиться, чтобы вы поговорили вдвоем? – предлагает Джеймс.

– Хорошая идея, – подхватываю я. – Почему бы тебе не включить чайник?

Джеймс кивает и спешно уходит, признательный за эту передышку.

– Что «просто»? – спрашиваю я Зои, возвращаясь к ее робкому замечанию.

– Не знаю, как лучше выразиться. Думаю, будет лучше спросить у вас об этом прямо.

Зои ковыряется в своих коротко обрезанных ногтях. Ее волосы, распавшись на тонкие прядки, царапают шею. Если бы я была ее матерью, убрала бы эти пряди за уши и мягко приподняла бы пальцем ее подбородок, заставив высоко держать голову. Я внимательно посмотрела бы в ее молочно-серые глаза и догадалась бы, что не так, прежде чем это поняла бы сама Зои. Я притянула бы ее ближе, обняла, заставила бы почувствовать, что я – здесь, рядом с ней, независимо от того, о чем она собиралась спросить.

– Это насчет уик-эндов, – произносит Зои тонюсеньким голоском.

– Да?

– Ну, я не знаю, что вы об этом думаете... просто было бы действительно удобно, если бы... – Она склоняет голову еще ниже.

– Зои, я не кусаюсь.

Наконец она поднимает голову и смотрит на меня в упор. Линия подбородка у нее аккуратная и изящная, словно вылепленная искусными пальцами. Скулы Зои повторяют точность черт ее лица, которые, в свою очередь, меркнут рядом с этими затуманенными глазами. Она выглядит так, словно в ее глазах постоянно стоят слезы, только и ждущие момента

скатиться по щекам.

– Если честно, мне некуда уходить на уик-энды.

Я пытаюсь понять, что это значит, но прежде, чем мне это удастся, ответ сам срывается с губ:

– Тогда вы должны остаться здесь.

Я произношу это под влиянием внезапного порыва облегчения, нахлынувшего на меня от того, что она не увольняется, несмотря на все мои подозрения.

– Правда? – Подбородок Зои поднимается выше, ее глаза проясняются. На губах уже сияет улыбка.

– Да, – отвечаю я, теперь уже с долей нерешительности, осознавая, что следовало сначала спросить Джеймса, особенно после того, в чем я только что ее обвинила. Но, уверена, муж не будет возражать. Кроме того, в самое ближайшее время он снова уйдет в плавание. Если на то пошло, именно он так сильно хотел найти того, кто будет помогать мне по дому. – Все в порядке, Зои? – У меня появляется ощущение, что стоит узнать ее получше. Несмотря на собеседование, ее резюме и рекомендации, меня вдруг поражает мысль, как мало я на самом деле знаю о семейной жизни няни.

– Это очень любезно с вашей стороны! – с благодарностью кивает Зои. – Все прекрасно. Просто дело в том, что...

И снова она выглядит такой грустной, такой страдающей, такой неуверенной во мне...

– Что, Зои?

– У меня возникли кое-какие проблемы с человеком, с

которым я живу... — Она осекается и задумывается. — С которым жила, я хотела сказать. У нас были некоторые трудности, и в итоге ничего не вышло. Я не хочу, чтобы вы думали, что я использую вас.

— Это разрыв?

Зои пожимает плечами, и я понимаю, что, нанимая обслуживающий персонал для дома, я беру на себя и заботу о ее личной жизни.

— Что-то в этом роде, — отвечает Зои. — Некоторые вещи просто не могут получиться.

И она почему-то с тоской смотрит на мой беременный живот.

Я лежу в нашей постели, выжатая как лимон. Совсем скоро я исчезну в комнате для гостей. Но сейчас я понимаю, что не смогу уснуть. Джеймс лежит рядом, почти погрузившись в сон, а мне нужно поговорить. Он едва слушает.

— Не могу сказать, что это было прямо так противно, словно перед тобой пресмыкаются, — говорю я Джеймсу. — Но почти.

Легонько толкаю его в плечо. Я лежу поверх одеял в своей размером с палатку ночнушке в цветочек и толстом халате, едва-едва сходящемся на талии. Джеймс часто шутит, что в последний раз, когда он видел меня голой, обхват моей талии равнялся изящным двадцати семи дюймам. Надеюсь, что вернусь к этому размеру к его следующему возвращению

домой. Женщины в нашей дородовой группе по йоге вечно сравнивают количество растяжек и обхват талии. Я предпочитаю не думать о своем теле. Появляется слишком много ужасающих мыслей, и я начинаю паниковать. Я уже успела испытать чересчур много разочарований.

– Джеймс, ты меня слышал? Не могу сказать, что это было прямо так противно...

– Тогда и не говори, – бормочет муж. Его глаза закрыты. Он лежит на боку, отвернувшись от меня.

– Меня поразило то, как она смотрела на меня. Это было... – Я не хочу показаться самодовольной. – Почти создано ощущение, словно она мне завидует или что-то в этом роде.

Джеймс открывает глаза и перекачивается на спину. Поднимает голову и внимательно смотрит на меня. Я лежу очень неудобно, опершись о локоть.

– Уже поздно, Клод. – Его глаза снова закрываются. – Не чуди.

– А потом еще этот сигаретный дым... Она врала мне? Теперь глаза Джеймса опять распахнуты.

– Тебя одолели эти разгулявшиеся гормоны, Клод. Зои не пресмыкается и не завидует, а еще она не курит. И точка! Она всего лишь хотела оставаться у нас на уик-энды. Так наверняка будет лучше для вас обеих.

– Я не уверена, Джеймс, – тихо произношу я, но его глаза вновь закрыты. Плюхаюсь на подушку и в который раз про-

кручиваю в голове недавнюю сцену. Помнится, она сказала: «Некоторые вещи просто не могут получиться». Сколько же печали было в этих словах! «Звучит запутанно», – ответила я тогда, но она больше не стала откровенничать.

– И потом она потянулась ко мне и коснулась моего живота, Джеймс, – сообщаю я своему ключущему носом мужу. – Джеймс! – громче окликаю я. – Я сказала, что она положила ладони поверх ребенка.

Джеймс перекачивается по постели и стонет.

– И что из этого? – ворчит он. – Так делают все женщины, не так ли?

И муж закрывает голову подушкой.

Конечно же он прав. С тех пор как мое положение стало заметным – а произошло это спустя почти пять месяцев, – я привлекала гораздо больше внимания, чем хотелось бы. Поначалу я решила даже не сообщать о своей беременности многим людям, исключая родных и близких друзей, хотя и с ними вела себя весьма осторожно. Учитывая мою историю, разочаровывать всех еще одним выкидышем означало бы принять на свои плечи горестное бремя, без которого я вполне могла бы обойтись. Я выучила свой горький урок. Ну, а кроме того, таков уж род моей деятельности, что люди слишком часто бросаются критиковать мое желание стать матерью, – в отместку за то, что я просто выполняю свою работу.

– Она очень странно коснулась меня, Джеймс. Словно...

– Я прерываюсь и меняю положение. Я устала. И вероятно, чего-то не понимаю. – О, не знаю... Но она положила обе ладони прямо вот сюда.

И я касаюсь своего живота, несмотря на то что муж на меня не смотрит.

– Она задержала там свои руки дольше, чем требовалось. И смотрела на меня, прямо мне в глаза. Мне это не понравилось.

– Она, видимо, ждала, что ребенок начнет толкаться, – сонно мямлит Джеймс.

– Может быть, – со вздохом соглашаюсь я. – Как же я устала! Пойду-ка спать.

Целую Джеймса в макушку и отправляюсь в комнату для гостей. Крепкий сон поодиночке нам обоим гарантирован.

Почистив зубы и улегшись в гостевую кровать, страдая от жары даже с открытым на дюйм окном, я размышляю над тем, о чем не рассказала Джеймсу, о том, что заставило мое сердце на миг тревожно екнуть.

«Вам так повезло! – воскликнула она, прижимая руки к моему животу. В ее глазах, полных слез, застыла эта глубокая серая тоска. – Вам так повезло носить под сердцем ребенка...»

Мощный вздох облегчения вырывается у меня, когда я возвращаюсь наверх, в свою спальню. Добиться разрешения Клаудии оставаться в доме на уик-энды было не так сложно, как я думала, и это уберегло меня от целого ряда трудностей и страданий. Теперь я чувствую себя так, будто снова обрела способность дышать. Кроме того, я не хочу, чтобы в мое отсутствие здесь произошло что-то важное. Она приняла решение сама, я даже не успела пооткровенничать, признать-ся, что считаю себя прямо-таки ходячей зоной бедствия для мужчин. В конечном счете она рассудила, что лучше ни о чем меня не спрашивать. Очень мудро с ее стороны. Она, безусловно, не будет допытываться дальше. По выражению ее лица я поняла: она подумала, что я хочу уйти с этой работы. Ну уж нет, даже не собираюсь. Пока, во всяком случае.

Я отключаю мобильный от зарядного устройства и впи-ваюсь взглядом в экран телефона. Никаких эсэмэсок с момента последней проверки. Я набиваю сообщение, но потом сохраняю его в черновиках, решая, что, наверное, отсылать это не стоит: мои безрассудные слова могут привести к новым неприятностям. Достаяю из гардероба дорожную сумку и вытаскиваю из нее полбутылки скотча. Няне это явно не положено, но я основательно вымотана, спина болит после того, как я на руках перенесла мальчиков наверх. Они – хо-

рошие дети, бойкие и любознательные, хотя по своему весьма скромному опыту обращения с детьми могу сказать, что с девочками легче.

Одна эта мысль заставляет меня сделать глоток из бутылки – всего лишь маленький глоточек – и снова взять в руки телефон. Я пробегаю по всем сохраненным в черновиках сообщениям, которые написала в прошлом, только чтобы выпустить пар. Потом перечитываю сообщение, которое напечатала минуту назад. Представляю, как адресат читает его, и меня начинает немного мутить, тело бьет нервная дрожь. Снова прикладываюсь к бутылке, и на сей раз делаю внушительный глоток. Пока струя виски, обжигая, устремляется в мое горло, я нажимаю на кнопку «Отправить». Ничего не могу с собой поделать.

И в пространство улетает сообщение: «Ты знаешь, что я всегда буду любить тебя».

Когда утром я спускаюсь вниз, держа близнецов за руки, выясняется, что Клаудия уже уехала на работу. Джеймс в военно-морской форме размашистым шагом заходит на кухню, и мальчики поднимают шум, поедая свои батончики из спрессованных хлопьев.

– Не волнуйтесь, парни, я еще не уйду в плавание, – успокаивает Джеймс, когда дети бросают свой завтрак, кидаются к нему и виснут у него на ногах.

Как же они страдают от того, что отец так часто уходит в

море! И как удобно, что он женился на Клаудии. Как удачно, что она наняла меня. Этих детей словно по цепочке передают с рук на руки. Когда же это прекратится?

– У меня деловая встреча, – сообщает Джеймс, небрежно пожелав мне доброго утра.

Я настораживаюсь. Не уверена, что нравлюсь ему. Мне придется остаться с его женой и детьми, когда он уйдет в плавание, заботиться о них, пока он будет далеко. Я новый человек в доме.

– Вернусь к шести, и Клаудия будет дома примерно в то же время. Она рано уехала, чтобы разобраться с одним невыристым случаем.

– Правда? – отзываюсь я, стараясь не показаться любопытной, хотя на самом деле мне действительно интересно. Я еще так много должна узнать о них – за такой маленький промежуток времени! Мне до зарезу хочется спросить о деловой встрече Джеймса.

Кроме того, стоит признать, что работа Клаудии меня очень интригует. Я знаю, что она – социальный работник, трудится в отделе защиты детей и возглавляет коллектив. Но я и понятия не имею, что входит в круг ее ежедневных обязанностей. Могу лишь предположить, что она пытается сделать жизнь людей лучше, заставить подопечных жить так, как, по ее мнению, будет правильно. Воображаю: «Не пренебрегайте заботами о своих детях; не беременейте в пятнадцать лет; не бейте свою девушку; не принимайте наркоти-

ки».

Мне вдруг приходит в голову, что Клаудия должна регулярно работать в тесном сотрудничестве с полицией. От подобной мысли адреналин мгновенно пронзает мое тело, и в тот же самый момент Ноа опрокидывает свой стакан апельсинового сока. Мое первое желание – заорать на ребенка, но мне удается сохранить спокойствие. Джеймс еще не ушел. Я слышала, как он направился в свой кабинет.

– Опаньки! – смеюсь я. – Сходишь за тряпкой, Ноа?

Он приносит тряпку, пока Оскар дразнит его за неуклюжесть. Вместо того чтобы собирать разлившийся сок, Ноа медленно водит по луже пальцем.

– А ну-ка, разреши мне вытереть это, – говорю я. Не нужно, чтобы след от липкого сока тянулся до самой раковины. Мытье полов – последнее, чем я хочу заниматься. У меня есть и другие, более важные дела.

– Не хотите ли сегодня после школы пойти с близнецами в игровой клуб вместе со мной и Лилли? – Пип притопывает на месте и потирает руки. На улице очень холодно.

Мысль об этом наполняет меня праведным ужасом, но я все-таки отвечаю согласием. Можно не сомневаться, я буду окружена большим количеством беременных женщин, чем мне под силу вынести, причем каждая станет отлавливать отпрыска младше двух лет, ласково поглаживая обязательный огромный живот и спрашивая себя, для чего подписалась на

это непростое занятие – материнство. В наше время они, эти беременные женщины, повсюду. Что делает мое существование намного тяжелее, заставляет чувствовать себя не просто бесплодной, а опустошенной, более одинокой, никчемной и неспособной делать то, что мне удавалось раньше. Я говорю себе, что так будет недолго, что это – не навсегда. Все еще образуется.

Телефон в моем кармане начинает вибрировать. Я не могу ответить на звонок прямо здесь. Сердце екает.

– Игры хорошенько изматывают близнецов, так что они буквально рухнут в свои кровати, – продолжает Пип. На ней надета шуба из искусственного меха с крупными манжетами. На голове красуется подобранная в тон шляпка. – Лилли там нравится. У них есть огромный сухой бассейн с шариками, в котором она буквально пропадает... – Пип без умолку трещит об этом игровом центре, и я улыбаюсь, киваю, смеюсь, выпуская изо рта струйки ледяного пара, одновременно пытаясь придумать отговорку, чтобы уйти. Мои обтянутые перчатками пальцы поглаживают телефон в кармане.

– О, посмотрите, они заходят в школу, – замечаю я, когда построенные в линейку ученики неспешно расходятся по своим классам. Неистово машу, пока близнецы не скрываются в здании школы, даже не оглянувшись. Что ж, в конце концов, я им не мать.

– Значит, договорились, встретимся после окончания уроков? – спрашивает Пип, когда мы выходим через школь-

ные ворота.

– Конечно, – отвечаю я, гадая, как же мне избавиться от подобного времяпрепровождения. Наконец я уйду от Пип, оставляя ее болтать с компанией мамаш. И, лишь свернув за угол, достаю телефон, чтобы прочитать сообщение.

«Я тоже тебя люблю» – эти нехитрые слова сразу говорят мне, что делать дальше.

Я открываю дверь. Из спальни Клаудии и Джеймса доносятся едва уловимые запахи дезодоранта, лака для волос и духов. Смешение всех трех ароматов в сочетании со слабым запахом сна создает у меня ощущение, будто сейчас со мной в комнате кто-то есть. Занавески все еще задернуты, что, вероятно, только к лучшему – так какие-нибудь любопытные соседи напротив не смогут случайно заметить меня. Включаю свет и захожу в спальню. Осмотр вполне можно начать с этой комнаты. Несмотря на мою паранойю, не сомневаюсь, что одна дома. Я даже проверила гараж, чтобы убедиться, что машины Джеймса там действительно нет. Чтобы уйти с тем, для чего пришла, я должна выяснить об обитателях дома как можно больше. Я не осмелюсь обыскать кабинет, пока Джеймс не покинет страну. Я не могу провалить это дело. У меня лишь один-единственный шанс.

Я вхожу в примыкающую к спальне ванную. Здесь запах Клаудии ощущается даже острее, вместе с паром ее утреннего душа, все еще висящим в воздухе подобно ароматной при-

меси. На полу валяется полотенце, на полке над раковиной царит форменный беспорядок – она захламлена незакрытыми баночками и тюбиками с кремами и лосьонами для лица и тела. Нитка для чистки зубов свисает с полки, а зубная щетка небрежно брошена в раковину. На щетине остались крупинки зубной пасты, перемазавшие и фарфоровую поверхность. Создается ощущение, будто кто-то собирался второпях.

Я внимательно осматриваюсь. Что, интересно, я собиралась обнаружить в святой святых Клаудии и Джеймса? Мне явно нет особого смысла находиться здесь, но я не могу противиться желанию сунуть нос в чужие дела. Каждая крупинка информации, которую я смогу добыть, поможет мне составить полную картину.

Я представляю Клаудию на работе, в дымке духов и в окружении нерадивых родителей, принимающей судьбоносные решения по поводу неполных семей, о которых она на самом деле почти ничего не знает, – если она, конечно, достаточно честна с собой, чтобы это признавать. А потом воображаю, как Клаудия сидит в своем офисе, задумчиво грызет ручку, навсегда меняет людские жизни. И не успевает она осознать, как уже задыхается под лавиной детской присыпки и горой грязных подгузников и глохнет от криков тысяч младенцев. Она задыхается, всасывает все это своим беременным телом. Инстинктивно хватается за живот, вздрагивая от боли, когда начинаются роды. Она падает на пол, раскинув ноги... а я – рядом, чтобы помочь ей...

– Прекрати! – бросаю я себе. Внимательно рассматриваю свое отражение в зеркале. Ну что со мной не так? Щеки ввалились, под глазами залегли темные круги. Я должна взять себя в руки. Собравшись с духом, выключаю свет в ванной.

Вернувшись в спальню, я отмечаю, что в гардеробе Клаудии все устроено более аккуратно, чем в ее захламленной ванной. Слева она развесила топы и платья, а справа – полный набор легко тянущихся юбок и брюк с широкой талией. Большинство из них – темного цвета по контрасту с солидным запасом свободных ярких блузок. Я представляю ее во всей этой одежде – всех этих изумительно подобранных и сочетающихся между собой вещах из дорогих бутиков. Вот будь я беременна (уже одна эта мысль от зависти вызывает у меня обычную для токсикоза тошноту), носила бы обтягивающие футболки коричневых и серых оттенков, чтобы они подчеркивали мой живот. Я носила бы мужской кардиган с большими глубокими карманами, набитыми бумажными носовыми платками. Там было бы много носовых платков. Я стала бы очень эмоциональной, все эти гормоны носились бы внутри, управляя мной, заставляя сначала безумно метаться и грустить, а уже в следующую минуту – в экстазе парить в небесах. Но сейчас я будто увязла в этом стабильно не беременном состоянии, так что сегодня вздорная игра гормонов – не для меня. Пока я просто к ней не чувствительна.

Я прикасаюсь к одному из платьев для беременных, и оно соскальзывает с вешалки. Я во все глаза смотрю на платье,

которое теперь валяется на дне гардероба. Поднимаю его и прикладываю к себе. Клаудия выше меня. Думаю, до беременности она носила двенадцатый или четырнадцатый размер против моего нынешнего восьмого. Платье – с розово-оранжевым принтом Пуччи, и это делает меня едва заметной за этим ярким нагромождением геометрических фигур. Оно доходит мне до середины икры, тогда как Клаудии, думаю, до колена, из-за чего смотрится моднее. К тому же ее цветовой тип внешности – волны темных волос и румяное лицо – прекрасно совпадает по оттенку с этим ярким платьем. Тогда как на мне этот наряд лишь подчеркнул бы мою безликость.

Я бросаю платье на пол и топчу его ногами в носках. Рыдания подступают к горлу, словно кто-то все сильнее и сильнее сжимает мою шею руками. Ну когда же это удушье пройдет?

Схватившись за гардероб, чтобы не потерять равновесие, я прихожу в себя и замираю, опустив голову. О чем я только думала? Кратковременная потеря контроля в мои планы не входит. Я поднимаю платье и встряхиваю его. Оно не должно выглядеть помятым. Вешаю платье обратно в гардероб и уже собираюсь закрыть дверцы, когда вдруг замечаю что-то на дне шкафа. Это красивая бело-зеленая цветастая коробка с надписью «На память» на крышке.

Мне уже доводилось видеть подобные штуки. О да, неоднократно, во время многочисленных походов по детским отделам магазинов «Джон Льюис» и «Дебенхэмс» или между

первым альбомом ребенка и книжками с нервущимися, из тряпичной бумаги страницами в том модном детском бутике рядом с моим домом. Моим старым домом.

Я замираю на месте и запрокидываю голову к потолку, пытаясь сдержать хлынувшие из глаз слезы.

Перевожу дыхание. Эта коробка предназначена для того, чтобы бережно хранить фотографии новорожденного, его первые пинетки и локоны волос, перевязанные ниткой. В подобном месте обычно прячут выпавшие молочные зубы – крошечные, неровные – и моментальные снимки, сделанные сразу после рождения ребенка, которые мамы не хотят помещать в семейный фотоальбом. Именно здесь вы можете обнаружить первые поздравительные открытки ребенка и план проведения крестин или первые извилистые каракули, выведенные на бумаге неумелой рукой цветным карандашом. В этой коробке таятся самые сокровенные воспоминания, самые необыкновенные реликвии, само начало жизни. Ее открывают один раз в несколько лет и со временем пополняют все меньше и меньше.

Я вынимаю коробку. Она тяжелее, чем я ожидала. Немного встряхиваю ее. Там явно много предметов. Клаудия уже начала собирать памятные вещицы периода беременности? Или, возможно, содержимое коробки относится к близнецам, и эти сувениры сохранили Джеймс со своей первой женой. Тонкий слой пыли на крышке коробки говорит о том, что внутрь давненько не заглядывали.

Сильно дую на крышку, ставлю коробку на ковер и опускаюсь рядом с ней на колени. Замираю на месте. Настораживаюсь. Не слышу ли я что-то, кого-то? Сердце заходится в неистовой скачке, его удары отдаются в горле виноватым стуком. Что бы я сейчас делала, если бы Клаудия вернулась домой, ворвалась в свою спальню и обнаружила бы меня шарящей в ее гардеробе? «Простите, Клаудия. Я просто хочу узнать, каково это – быть беременной, иметь вещи для беременных, носить одежду для беременных». Интересно, повелась бы она на это? Поняла бы, что я, вероятно, хочу ее ребенка больше, чем она сама, отчаянно нуждаюсь в нем?

Поднимаю крышку. И во все глаза смотрю на содержимое коробки.

Я чувствую себя так, словно заглядываю прямо во чрево, в святая святых, туда, где бережно, будто величайшая драгоценность, хранится жизнь. Руки так и чешутся порыться в этой коробке с... с чем же? С памятными вещами? Сокровищами? Рассматриваю содержимое, и перед глазами все немного расплывается.

Боже праведный!

Сердце колотится еще быстрее, если это вообще возможно. Затаив дыхание я склоняюсь над коробкой. Поверх всех остальных предметов внутри лежит фотография. Снимок немного расплывчатый, но на нем виден ребенок – крошечный, голый, с дряблой кожей младенец, лежащий в детской больничной кровати из прозрачного пластика. Ребенок весь

сизый, и вокруг его тоненьких, похожих на лягушачьи, ножек не обернут подгузник. Белый пластиковый браслет только подчеркивает худобу его ручки-тростинки.

Снимок подписан синим маркером: «Чарльз Эдвард. Рожден недоношенным на сроке 22 недели. 20–24 сентября 2007 года».

Беру фотографию оцепеневшими пальцами. Тело бьет дрожь. Под снимком я нахожу крошечный чепчик, связанный из превосходной высококачественной бледно-голубой пряжи. В складках шерсти ютится окровавленный желтый зажим для пуповины. Тут же я замечаю полосы распечатанных ультразвуковых изображений с уже пожелтевшими от времени краями. Я видела такие снимки по телевизору и, признаюсь, просматривала нечто подобное по Интернету, задаваясь вопросом, каково это, когда врач показывает на снимке каждую конечность, сообщает, мальчик это или девочка, демонстрирует сердцебиение, которое сопровождается характерным стуком, когда кровь устремляется по крохотным венам.

На темном снимке белым шрифтом напечатано: «Клаудия Браун». Это ее снимки УЗИ, но, судя по дате – 19 апреля 2003 года, – они относятся не к этой беременности. Легко различима матка – темная овальная область, и внутри этого пространства видна нечеткая бело-серая масса. Если это плод, то выглядит он не очень большим. Я внимательно смотрю внутрь матки Клаудии. От пронзившей сознание

мысли меня начинает трясти еще сильнее. На обороте кто-то написал: «Малышка Элла. 18 недель. Мертворожденная».

Рот наполняется слюной, словно от шока меня сейчас вывернет наизнанку.

Я продолжаю исследовать чужую трагедию. Коробка наполнена множеством подобных вещей, и каждая из них служит напоминанием о потерянном ребенке. Еще три снимка УЗИ, каждый – от разной беременности, сделанные примерно на четырнадцатой неделе созревания плода, и все – с датами выкидышей, указанными на обороте. Тут есть и стихи, навеянные обездоленным, опустошенным сознанием: «Мои пустые руки хотят тебя обнять... Малюсенькие пальчики, миленький носик... На свете нет бесплоднее меня...» И смятый клочок бумаги с двумя отпечатками ног: «Джеймс Майкл, умер 7 октября 2008 года».

– Какие кукольные следы, – шепчу я, восхищаясь десятью прекрасными пальчиками.

Страдания Клаудии, ее неспособность выносить здоровых детей и ненависть к самой себе ощущаются в каждой строчке прочувствованных стихов. Пробегая глазами по этому воплощенному горю, я догадываюсь, что именно Клаудия написала это. Как же могла одна женщина перенести столько потерь – и все еще продолжать попытки стать матерью? Мои руки падают на колени. Теперь я чувствую себя последней тварью из-за того, что собираюсь сделать этой семье.

– Но все это сделало ее сильной, – убеждаю я саму себя,

поглаживая край коробки с памяtnыми вещами и пытаюсь избавиться от чувства вины.

И вдруг я замираю как вкопанная. Неужели я все-таки что-то слышу? До меня снова доносится какой-то звук.

Закрыв крышкой коробку, я запикиваю ее обратно в гардероб. Потом пулей вылетаю из спальни и несусь вниз по лестнице. Кто-то барабанит в дверь. Открываю и вижу курьера, стоящего на верхней ступеньке и постукивающего пальцами по большой коробке, которую он удерживает на своем бедре.

– Распишитесь здесь, пожалуйста, – нетерпеливо бросает посыльный и вручает мне электронное устройство и сенсорное перо.

Я выполняю его просьбу, и он отдает мне коробку. Не проронив больше ни слова, курьер уходит, а я тащу доставленную тяжесть в дом.

Это адресовано Клаудии, один конец коробки поврежден и провалился внутрь. Через образовавшуюся дырку я вижу что-то напоминающее солому, но обернутое в полиэтилен. Разве вокруг не твердят, что нужно тотчас же проверять доставленные вещи? Или это просто излишнее любопытство взяло надо мной верх? В любом случае мне не хочется влипнуть в какую-нибудь историю.

Я затаскиваю коробку на кухню и срезаю оставшуюся упаковочную ленту. Отогнув картон, вижу обернутую в полиэтилен детскую переносную кроватку из соломы. Отодвигаю

упаковку, и моим глазам предстает комплект из накрахмаленных простыней и ткани для драпировки. Стелю постельные принадлежности и устанавливаю кровать на прилегающую к ней металлическую подставку.

Отойдя назад, я восхищаюсь своей работой и пытаюсь представить новорожденного ребенка Клаудии, спящего в этой кровати. И почему-то не могу.

– Что вы делаете в моей комнате?

Я оборачиваюсь. Руки у меня трясутся. Она все-таки застучала меня, хотя я делаю для нее кое-что хорошее. И не роюсь в ее личных вещах.

– Это доставили сегодня, – сообщаю я. – Ну разве не прелестно? Мне захотелось сделать вам сюрприз и все подготовить. Упаковка была в ужасном состоянии, и я решила удостовериться, что внутри все в порядке. Я подумала, а почему бы не принести это вам наверх?

Я отхожу от переносной кровати. Занавески в спальне Клаудии еще задернуты, и на улице сейчас темно.

– Разве не прелестно? – повторяю я, когда Клаудия молча подходит к колыбельке. Я поставила ее рядом с ее кроватью.

– Да, – неопределенно бросает она, глядя на меня искоса, так, будто не доверяет. Она еще не сняла пальто и кожаные перчатки для вождения. Дамская сумочка переброшена через плечо, и от Клаудии пахнет зимой. Она тихонько качает колыбель, а потом смотрит на меня, прямо мне в глаза. И я

вижу, как на ее щеке еле заметно дергается мускул.

Лиам Райдер сидел в приемной, широко расставив ноги и уперев локти в колени. Его голова поникла, черные с проседью невымытые тонкие волосы спутались на макушке. На первый взгляд он представлялся не кем иным, как обычным «уловом» субботнего вечера – хотя день был будним, – напившимся неудачником, балансирующим на грани между тем, чтобы похвастать содержимым кишечника или вырубиться. Ему потребовалось некоторое время, чтобы очнуться и поднять голову, когда Лоррейн окликнула его по имени. Остальные, ожидавшие в приемной, с раздражением взглянули на него. Женщина с пирсингом и сердитым карапузом, мужчина в костюме, парочка парней в спортивных костюмах – все они были бы счастливы занять его место и пройти без очереди.

– Мистер Райдер, – повторила инспектор. – Теперь я могу вас принять.

Лоррейн держала дверь с повышенной степенью защиты распахнутой до тех пор, пока Райдер не пришел в себя и не понял, что его вызывают. Он поднялся с места медленно, с явным усилием, которое требуется от человека, жизнь которого вот-вот развалится. Лоррейн не смогла удержаться от того, чтобы не улыбнуться про себя. Но, в конце концов, Райдер пришел сюда по собственному желанию, так что она по-

обещала себе быть... быть с ним любезной. Он прошел в кабинет, и Лоррейн уловила слабое дуновение характерного запаха человека на грани срыва. Человека, для которого обычные ваннные процедуры вдруг оказались в конце списка важных дел. «И все ради чего?» – спросила она себя. Ради того, чтобы несколько раз переспать со своей студенткой. «Интересно, как он теперь думает, это того стоило?» – задавалась вопросом Лоррейн.

– Садитесь, – пригласила инспектор, как только они оказались в кабинете для допросов. Это было серое и унылое помещение почти без естественного освещения. Лоррейн не позаботилась включить узкую полосу лампочек дневного света.

– Почему вы хотели меня видеть? – спросила инспектор, усевшись на угол второго, меньшего стола в комнате. Занять место напротив Райдера означало так или иначе продемонстрировать свое одобрение его приходу и, в свою очередь, его поведению. Она не могла оправдать такое. Если Райдер пришел для того, чтобы сообщить нечто полезное для расследования, прекрасно. В противном случае она быстро отделается от него.

– Я – отец ребенка Салли-Энн, – тихо произнес Райдер, мгновенно отвлекая Лоррейн от ее мыслей. Он крепко стиснул руки, торчавшие из твидовых рукавов, и теперь пальцы переплетались, словно страстные любовники. – Она больше ни с кем не спала.

«Ну просто смех!» – подумала Лоррейн, уловив в его словах явное самодовольство. Откуда он знает, что Салли-Энн ни с кем больше не спала? Точно так же жена Райдера, несомненно, верила в его супружескую преданность, предположила Лоррейн. Она представила Райдера в компании университетских профессоров, откалывающего бесконечные свойственные ученым забавные штуки и сыплющего шутками. А потом Лоррейн вспомнила, что он был всего лишь преподавателем местного колледжа – совсем не профессором Оксфорда – и кожаные налокотники, растрепанные волосы и очки в тонкой оправе вдруг утратили свою интеллектуальную привлекательность. Лоррейн оставалось только гадать, что же, черт побери, разглядела в нем Салли-Энн, красивая молодая женщина.

– Мне это уже известно, – сказала Лоррейн. Только что из лаборатории пришли результаты теста ДНК.

– Но я клянусь, что не убивал Салли-Энн. – Его голова бессильно поникла.

«Это я тоже знаю», – подумала Лоррейн, но вслух не произнесла. Его алиби проверили. В день убийства Райдер вел занятия в колледже, что подтверждали записи системы охранного видеонаблюдения. А вот отследить перемещения Рассела Гудола оказалось не так просто.

– Почему я должна вам верить? У вас серьезный мотив.

– Я, может, и облажался со своей женой и Салли-Энн, но, ради всего святого, я – не убийца! – Райдер схватился за

стол, и всего на мгновение Лоррейн показалось, что бедняга сейчас заплачет. – Я бы в любом случае сделал все, что нужно, для нее и ребенка. Нашел бы вторую работу или что-нибудь в этом роде. Только не говорите моей жене! Он опять поник головой и взмолился: – Пожалуйста!

– И это единственная причина, по которой вы хотели встретиться со мной лично? – Лоррейн вдруг почувствовала свою власть. Он пришел, чтобы просить.

– Нет. – Он снова поднял взгляд. С усилием сглотнул. – Я могу сообщить вам имя кое-кого, кто может вам помочь.

– Неужели? – бросила Лоррейн, а в голове мелькнуло: «Вот ублюдок!» – Значит, вы хотите, чтобы я пообещала ничего не говорить об этой скверной истории вашей жене, а вы взамен назовете имя маленького кладезя ценной информации?

Райдер кивнул.

– А вы понимаете, что я могу арестовать вас за это прямо сейчас?

Райдер снова сглотнул.

– Я... я не отказываюсь от дачи показаний. Я лишь хочу, чтобы все было справедливо. Салли-Энн и я...

– Вы изменяли жене, мистер Райдер. Что же здесь может быть справедливого? – Лоррейн почувствовала, как сильнее заколотилось сердце. Это напоминало действие наркотика, который она никак не могла вывести из организма, наркотика, о котором ей не хотелось слышать никогда в жизни.

– Справедливо для моей жены, – пояснил он. – Я знаю, что поступил гадко. Но теперь все кончено.

– Само собой, – констатировала Лоррейн.

– Выходит, совершенно бессмысленно открывать Лесли правду и причинять ей тем самым боль? – Он откинулся на спинку пластикового стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.